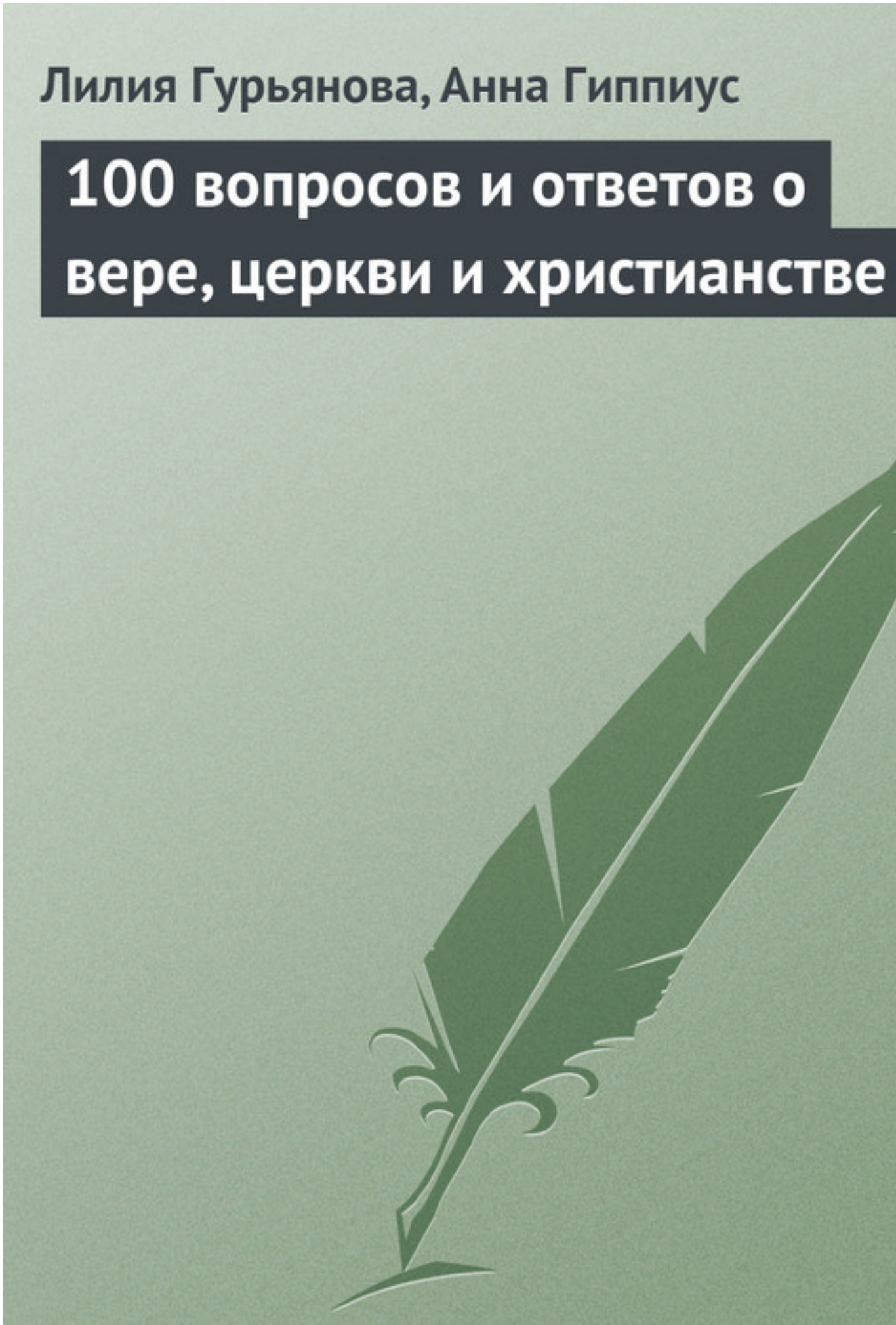
Лилия Гурьянова, Анна Гиппиус

100 вопросов и ответов о вере, церкви и христианстве

Анна Гиппиус
Лилия Гурьянова

100 вопросов и ответов о вере, церкви и христианстве

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=179274
100 вопросов и ответов о вере, церкви и христианстве: АСТ; Москва; 2009
ISBN 978-5-17-057926-6

Аннотация

Найти свой путь к Богу очень непросто.

Вдвойне непросто сделать первый шаг на этом пути.

Во стократ сложнее не свернуть с этого пути, преодолеть все сомнения, разрешить все вопросы и укрепиться в своей вере.

Содержание

Вступление 4
На пути к богу 6
КАК МЫ ОКАЗЫВАЕМСЯ В ЦЕРКВИ 6
СОМНЕНИЯ 8
ВЫБОР ВЕРЫ 11
ЧТО НАМ НУЖНО ОТ ХРИСТА 14
КАК УЗНАТЬ, ЧТО НУЖНО ДЕЛАТЬ 16
МОЛИТВА 18
ИКОНА 22
СКУКА НА БОГОСЛУЖЕНИИ 24
ТРУДНО СТОЯТЬ. ДУШНО 27
КАК МЫ МОЛИМСЯ В ХРАМЕ 28
ПОСТОРОННИЕ МЫСЛИ 30
Я НИЧЕГО НЕ ПОНИМАЮ 32
ТАИНСТВО И ТАЙНА 35
РАЗГОВОР С КРЕСТНИКОМ 38
КТО ТАКИЕ КРЕСТНЫЕ 42
ПОКАЯНИЯ ОТВЕРЗИ МНЕ ДВЕРИ 43
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Анна Гиппиус, Лилия Гурьянова 100 вопросов и ответов о вере, церкви и христианстве

Вступление

Ну вот, исчезла дрожь в руках,
Теперь наверх.

Ну вот, сорвался в пропасть страх
Навек, навек.
Для остановки нет причин,
Иду, скользя,

И в мире нет таких вершин,
Что взять нельзя.

В. Высоцкий

* * *

Эта книга задумывалась как некий вариант Катехизиса, как сборник вопросов и ответов. Вопросы – человека, недавно переступившего порог церкви, которому в ней многое непонятно. Ответы – человека, отчасти воцерковленного, кто сколько-то лет ходит в храм и тщится вести более-менее церковный образ жизни. Вроде книжки из серии «Корифеи – чайникам».

Получилось иначе.

Я явно не потянула на роль корифея. Чем больше оценивала свой скромный опыт – что могу передать, чему научить? – тем больше понимала, что – увы! – очень немногому.

По этому поводу вспоминается диалог неофита и свечницы в одном из петербургских храмов:

– Вы верующий человек?

– Что вы хотите?

– Я хочу узнать, как живут верующие люди.

– От меня вы этого не узнаете.

Компилировать, делать выписки, излагать изученный в воскресной школе материал? Пересказывать прочитанное? Незачем. Лучше дать ссылки. Все равно, раздумывала я, выше головы не прыгну, лучше Шполянского, Кураева, Шмемана, Карелина и Львова – не напишу.

Но все настойчивее стучало в висок:

– Вспомни, вспомни, вспомни. Твои вопросы и сомнения – как тяжело было с ними жить, как ты даже предположить не смела, что у других они тоже есть. Те же самые или похожие.

Да, их было много. «Почему?», «зачем?», «каким образом?». Но главное – «как поверить во все это?» Одна часть души принимала происходящее в храме, верила – а другая

смотрела с прищуром. И ни опыта, чтобы отделить свое от чужого, Божие от вражьего, ни знаний, ни душевного покоя.

Зато в церкви душа расправлялась и вставала на свое место. Все вопросы и колебания были, как волны на поверхности моря. На глубине в любой шторм спокойно. Так и ощущалось.

И еще – всегда было кого спросить.

Я написала о тех, давних или недавних, глубоких или просто назойливых сомнениях, проблемах и недоумениях, которые разрешались по мере хождения в храм. Об ошибках, о неправдах, отлучающих от Бога и людей.

Зачем?

Чтобы вы, прочитав эту книгу, знали, какие бывают вопросы и сомнения, на чем мы часто скользим и теряем равновесие и как делать – не надо.

Так хочется надеяться: вот расскажу об ошибках, и кто-то их не повторит…

На пути к богу

КАК МЫ ОКАЗЫВАЕМСЯ В ЦЕРКВИ

Мы не приходим в церковь сами. Нас приводит к себе Господь. Часто – по молитвам кого-либо из живых или мертвых близких, любящих нас.

Из проповеди настоятеля протоиерея Сергия Филимонова: «Страшно, когда Господь призывает человека, а тот не откликается. Неизвестно, сколько пройдет десятков лет, пока Он вновь обратится к человеку со словами призыва Своего. Вдумайтесь в грозную истину – единожды встретившись с Господом и отвергшись Его, мы можем никогда больше не возыметь Божиего снисхождения к нам.

Это похоже на отплывающий пароход. Не успели вовремя, – корабль отошел от пристани, и только пенистый след стелется за кормой. А мы грустно смотрим вслед и гадаем, когда же он вернется. Быть может, никогда и не вернется. Никогда – до самой нашей смерти.

То, что вы стоите здесь, в этом святом храме, – милость Божия. Значит, в тот момент, когда Господь обратился к вам, сердце ваше откликнулось, душа отозвалась на Божий призыв».

Говорят, что Господь призывает к Себе сначала шепотом любви, потом голосом совести и под конец громом скорбей. Не потому, что Он насылает эти скорби, конечно же, нет. Но потому, что в какой-то момент прекращает отводить от нас несчастья, позволяет чуть-чуть, самую малость, почувствовать последствия своих поступков – чтобы дать нам одуматься и исправиться.

Известный петербургский миссионер дьякон Михаил Преображенский иллюстрирует это на таком примере. Вот идет упрямый глупый ослик. Вдруг – о радость! – в сторонке от торной тропы роскошные заросли лакомого чертополоха. Ослик – шасть! – и к нему. А хозяин ему морковку показывает:

– Смотри, какая вкусная, какая сладкая морковочка. Иди сюда, милый, иди на дорожку, тут безопасно, тут морковку и схрумкаешь. И дальше пойдем.

Потому что хозяин знает: он ведет ослика домой, к еде-питью, в безопасность; а в зарослях чертополоха скрывается обрыв, пропасть.

Ослик морду воротит:

– Не хочу морковку. Хочу чертополоха.

И с тропы – от дома дальше, к пропасти ближе. Хозяин ему:

– Разве так можно? Ну-ка давай назад. Ай-яй-яй, вот прутик, сейчас плохо тебе будет. Кто тут у нас такой непослушный? Давай-давай, иди обратно, морковку в зубы и домой.

А ослик:

– Не-а. Не пойду.

И вот тут-то получает прутиком по крупу. С размаху. Ощутимо. Больно. Потому что уже вот-вот копыта глупые сорвутся с обрыва – хоть ослик пропасти и не видит, да хозяин о ней знает.

Ай, больно, моя шкурка! И глупый ослик трусит обратно на тропинку. И оказывается, в конце концов, дома, в безопасном стойле.

Однако бывают и такие ослы, что не вразумятся даже после удара. Где они в итоге окажутся? Внизу, в ущелье, на острых камнях.

Вот и мы так.

«Убогие вы тут все какие-то, скукоженные, несчастненькие. Ваша вера – для слабаков, утешение для нищих или тех, у кого что-то страшное случилось, а он не может сам справиться». Это очень распространенное, но все же неверное мнение. Прихожане любого храма в большей своей части – это вполне благополучные, социально адаптированные и часто успешные люди. В церкви представлены все социальные группы общества – есть бедные и богатые, больные и здоровые, молодые и старые, несчастные и счастливые. На службах рядышком стоят состоятельный спонсор, регулярно вносящий существенную лепту в строительство, восстановление или функционирование церкви, и тот, кто давно по болезни лишился работы и едва сводит концы с концами; благополучная семья – папа, мама, дети, иногда здесь же бабушки-дедушки – и брошенная родными одинокая больная.

И все же в приведенном мнении есть некая сермяжная правда. Действительно, мы часто впервые переступаем порог храма, когда нас сильно ударило – когда Господь призвал громом скорбей. Уже не просто ставим свечку и убегаем до лучших времен, а приходим раз за разом. Ибо здесь измученная душа получает облегчение. Но дело в том, что это лишь первый этап. Потом та начальная проблема рассасывается, – но человек остается в храме. И идет у него внешне обычная жизнь, как раньше, – то дождь, то ведро; то со щитом, то на щите; то густо, то пусто; то на брюхе шелк, то в брюхе щелк – словом, обыкновенная, полосатая, как зебра, – только меняется его отношение к происходящему. И вот уже стоит на литургии не залетный захожанин (по меткому определению ныне покойного питерского священника протоиерея Василия Ермакова), а постоянный прихожанин. А про ту первую боль, которая его сюда привела, он давно, быть может, и думать позабыл. Так что не ищите в церкви одних убогих и несчастных – их там не больше, чем в любом другом месте.

Впрочем, у-бог-их искать стоит именно тут. Сильный стресс, горе, неотвратимое несчастье заставляют замолчать наш ограниченный, земной, природный ум. И ведут в храм. К Богу.

СОМНЕНИЯ

А потом начинаются сомнения. Не знаю, у всех ли, но у меня и друзей они бывали. Очень неприятно, иногда страшно, впервые понять, что ты «не веришь» во что-то догматически неколебимое. В некий столп и основание Церкви, в несомненную для всех (как кажется) истину. Обмираешь – как же так?

Пройдя все это на собственном опыте, могу прежде всего утешить вас, если вы попали в подобную ситуацию: сомнения – нормальны. На то человеку и голова дана, чтобы ею думать. Давным-давно, в незапамятные, как теперь кажется, времена, собираясь для полноты душевного бытия (не для умственного развития отнюдь) в церковноприходскую школу, я с неудовольствием слушала наставления учителя:

– Нужно знать свою веру, нужно думать, нужно сверять все со Священным Писанием и Священным Преданием, поверять ими, вы – народ Божий, и ваша обязанность – свидетельствовать истинность происходящего в церкви.

Ну как неприятно! Не хочу думать. Не люблю.

– Я лучше вас спрошу или духовного отца – как ответите, там и правда.

– Мы тоже можем впасть в ересь, уклониться от истинного Православия. Вы обязаны знать свою веру.

Тяжело вздохнув и препоясав свои чресла, приступила к обучению. Но я же не могу просто заучить, как попугай, то, что преподается. И началось. Почему? Как? Зачем?

Неужели? На службе стоишь – тоже недоумения и сомнения гложут…

Оказывается, ничего страшного. К яслям новорожденного Христа пришли на поклонение не только пастухи – простые чистые души которых мгновенно и полностью приняли счастливую весть о воплощении Бога на земле. К Новорожденному, утруждая себя, изнемогая в долгом пути, шли волхвы – ученые-астрономы, цари и мудрецы. Шли потому, что им предстала звезда, возвещавшая рождение Царя и Спасителя мира. Шли долго, ведомые лишь надеждой на верность своих расчетов. И пришли. И увидели Бога. Так что в мире есть два пути к вере: путь пастухов и путь волхвов.

А сомнения апостола Фомы? Ходил за Христом, учился у Него, слушал Его, видел Его распятие – и не поверил в воскресение: «Если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю» (Ин. 20, 25). И что ответил ему Христос? Лишил Царствия Небесного, осудил, укорил? Отнюдь. Он сказал Фоме: «Подай перст твой сюда и посмотри руки Мои; подай руку твою и вложи в ребра Мои; и не будь неверующим, но верующим» (Ин. 20, 27).

Так что сомневаться – можно. Нередко даже нужно.

Это нормально.

Где брать ответы на свои сомнения? Я пробовала задавать вопросы воцерковленным друзьям, опытным прихожанам, катехизаторам и преподавателям воскресной школы. Оказывается, чем глубже и важнее для меня вопрос, тем выше должен быть духовный уровень человека, которого спрашиваешь. Что-то незатейливое и малосущественное на счет «раз» растолкуют друзья, свечницы и опытные прихожане. Но, задав им вопрос о более насущном, чаще всего чувствую неудовлетворенность ответом. Будто осталась некая недоговоренность, преграда, мешающая рассудку принять в себя полученную от них информацию.

Про самое важное – только к священникам. Причем иерархически правильно – к духовному отцу или духовнику, если он есть. Господь говорит с нами именно через них.

Сомнения и неверие лежат глубоко-глубоко, их не видно. Это едва ощутимый холодок, легкое касание – будто рыбка плеснула. На поверхности тихо. Благочестие. Вера. Но вот снова со дна – пузырек-другой. И опять тишина. Чтобы вытащить эту рыбку неверия, нужна решимость. Страшно. Что из этого выйдет? К чему это приведет? Как дальше жить будем? А сейчас так спокойно, брось, не надо, само рассосется… Не рассасывается. И вот впервые сама для себя озвучиваешь свой вопрос-сомнение-неверие. И ужасаешься ему, его огромности и непоправимости. Но обратно уже не спрячешь. Нужно решать.

Ноги подгибаются (погонят вон!), в груди холодный ужас (больше сюда не пустят!), язык заплетается («Да как он у вас повернулся такое сказать?!») – подползаю. Ясное дело, с молитвой: «Ответь мне Сам через пастыря моего».

– Не понимаю, что в Чаше – Тело и Кровь Христовы. Мне кажется, что вино и частицы просфор.

– Почему Православие – единственная верная религия? Чем хуже католичество, протестантизм?

Самое страшное за эти годы:

– Я не верю в Христа-Бога. Только в Человека. И что было делать?

Жить с этим? Затолкать внутрь?

В какую игру я играю, Господи, не веря в Тебя?

Ответы мне давались трех планов.

Вариант первый: «Потому что…» – и далее объяснение.

Вариант второй: «Молись». Ответ неприятный, но приносящий искомый результат. Наверное, молилась я об ответе не одна – полагаю, что духовный отец тоже молился за меня. Вымоленное остается в душе радостным и несомненным открытием.

Вариант третий: «Об этом пишет тот-то в такой-то книге». Так открывалось: я не одна такая, вопрос нормален и многократно поставлен, так же многократно и по-разному освещен в богословской и миссионерской литературе. Успокоенная, принимаюсь за чтение. Ах вот, оказывается, в чем дело! – наступает понимание.

И ни разу они меня не осудили.

И еще – часто оказывалось, что неверие в тот или иной «общепризнанный» факт вызвано либо отсутствием у меня информации, нужной для его осознания, либо тем, что сам факт – не факт. Примеры? Пожалуйста.

Долго пыталась уложить в сознании мысль о некоей придуманности, аллегоричности и мифологичности дракона, пронзаемого копьем Георгия Победоносца. Сюда же подтягивались и другие недоумения – и сказочный бой с драконом на Калинкином мосту, и всякие чудища из Священного Писания, объясненные как символические образы. Поскольку вопрос тревожил скорее рассудок, чем сердце, по лени умственной особенно в суть дела не вникала. И вот натыкаюсь на сайт, где ясно и просто доказывается – первобытные гигантские ящеры, всякие там «-завры» встречались в Европе аж до XIII века по Рождеству Христову. Георгий Победоносец в III веке убил именно того, кто изображен на знаменитой иконе: красный фон, белый конь, на нем всадник с копьем, пронзающим дракона под конскими копытами. Вопросы догматические тоже мучают чаще всего из-за отсутствия информации. Господь Сам открывает Себя тем, кто Его ищет. «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят» (Мф. 7, 7–8).

А что сам факт – не факт, о том я рассказываю в разделе о церковных суевериях.

И еще одно очень важное для меня наблюдение. Опыт показал: из каждого разрешенного сомнения выходишь на какой-то новый уровень бытия. И дело не только в новой информации. Теперь мне уже кажется, что достаточно с чистым намерением прочитать Евангелие, и Божественность Христа – совершенно очевидна. Значит, эти вопросы, это неверие, это недоумение и честность по отношению к ним были нужны, насущны!

ВЫБОР ВЕРЫ

Нас учили, что святой Владимир выбирал веру для Руси, придирчиво исследуя достоинства и недостатки иудаизма, мусульманства и христианства. Возьму на себя дерзость сказать: не верю. И дело даже не в том, что, как доказывает историческая наука, к тому времени сам князь был уже три года как крещен (с 985 года); и не в том, что Киев со времен Аскольда и Дира был христианским городом, где регулярно во множестве храмов велись богослужения по уставу Византийской церкви. А в том, что веру выбирают сердцем. Как и любимого человека. Как друга. Как место для постройки своего дома или храма.

И многие из нас, в общем-то, изначально веру не выбирали. Господь привел нас в православную церковь, и слава Ему.

(Не буду разбирать ситуацию, когда кто-то оказался у баптистов-адвентистов-иеговистов, буддистов либо в какой-то явной секте. Такое бывает сплошь и рядом, но это не тема моей книги. Я пишу для тех, кто считает себя православным либо готов сделать шаг в православную церковь.)

Бывают ли сомнения у стоящих в православном храме – туда ли я пришел? Свидетельствую: бывают. Сердце знает – ты явился по верному адресу. Но мысли, как мухи, не дают покоя, «жалят, жужжат и кружатся над бедной моей головою».

Блиц-опрос общественного мнения привел к неожиданным выводам. Подобное состояние – единство уверенности в несомненности Православия и сердечной надежды на то, что оно не есть единственная правильная вера, что другие религии тоже верны – очень характерно для двух категорий людей.

Первые – те, кто в церкви гость редкий. Им все веры – едины. И Бог один, какая разница, где Ему поклоняться. И часто – «вы, православные, люди ограниченные, фанатики узколобые». На эти выпады блистательно дает ответы известный миссионер дьякон Андрей Кураев. Он подробно рассматривает эти мнения на многих и многих страницах своих книг и статей.

– Да, Кураев, может, и парирует с блеском – но как именно? Что он говорит, как аргументирует? Как защищаться, если после воцерковления тебя станут упрекать в узколобости и фанатизме?

– Поймите, лишь для одного того, чтобы увидеть: не все веры одинаковы, не везде Бог – любящий и милующий, но лишь в христианстве – только для этого потребуется прочитать внимательнейшим образом целую книжку о. Андрея Кураева (Диакон Андрей Кураев. Если Бог есть Любовь. М.,1998). Там приведены все доказательства. Она по объему такая же, как та, которую вы держите сейчас в руках. Ну как я вам сделаю выжимку?!

Вторая категория условно названа мной «мы, выкресты» – это люди, в ком течет кровь иных вер. В свое время проблему четко сформулировал кум (отец моих крестниц):

– Как я могу спокойно «спасать свою душу», когда моя мать обречена на вечные муки самим фактом своего упорного еврейства?

Поэтому с напряжением вчитываешься, вдумываешься, вслушиваешься, переспрашиваешь на занятиях в воскресной школе, вызывая вполне понятное замечание преподавателя:

– Мы не можем так долго останавливаться на проблемах иудаизма, это не тема наших занятий, и подобный праздный интерес не ко времени.

Да не праздный он, а самый отчаянный.

Какова сегодняшняя и вечная судьба моих любых, моих родных, бесконечно любящих меня некрещеных мамы и бабушки, даже не в иудаизме живших; во втором и третьем поколении, получивших университетское образование, но потерявших веру своих предков?

Что с ними?

Бабушка, как я виновата перед тобой. Почему не привела тебя в церковь, не настояла, не уговорила креститься? Ты бы приняла Христа всем сердцем. Но я сама тогда о Нем ничего не знала.

И теперь год за годом, почти двадцать лет, один и тот же сон: я забыла тебя, давно оставила, и ты где-то далеко, совсем одна, и тебе плохо. А я все не иду к тебе.

– Что я могу сделать для нее?

– Поминай в домашней молитве.

– Подавай милостыню.

– Читай канон святому мученику Уару.

– Корми птичек.

– Вы шутите?

– Я не шучу. Корми птичек.

Не Андерсен ли писал, как ласточка летела к Богу и просила за чью-то душу?

Зимой на кормушку за кухонным окном садятся синички и снегири.

Снегири такие толстенькие – долетят ли?

Сердце привычно ноет.

С годами, однако, начинает намечаться утешение. Сам по себе факт крещения вовсе не ведет к непременному спасению. Нет, для этого нужны вера и сердечные устремления ко Христу. И наоборот, вовсе не факт, что Господь не спасет души некрещеных. Милосердие Божие бесконечно, и намерений Его мы не разумеем.

Бабушка сделала ближним и дальним, знакомым и незнакомым столько добра, что даже спустя 10 лет после ее смерти в театрально-концертных кругах многомиллионного Петербурга слова «Я внучка Марии Израилевны Голованової» открывали любые двери и сердца. Она Господу не чужая. Крещеный, воспитанный в вере, но отрекшийся от Христа может наследовать куда горшую участь, чем язычник волею рождения или обстоятельств.

Постепенно становится все более понятным, что сомнения в единственной правильности Православия связаны не только с загробной участью родных, но что это есть некое волнение крови и шебуршение генов, приглушенные голоса сродников: иудеев, католиков и лютеран. Они молились в иных стенах, иными словами. Эти стены и своды, обряды и менталитет волновали и притягивали. Я впервые увидела готические храмы Прибалтики и русские церкви Москвы примерно в одно время, лет двадцати. Чуть позже – синагогу. Первые вызвали ощущение соразмерности, устремленности души вверх и желание молиться в них Богу. Вторые – духоты, низких сводов, загнанности, видение лихорадочно горящих глаз и невнятных речитативов. Третья – так себе, нормального местечка для молитв – можно там, можно не там, в целом симпатично, но не особенно. Шли годы, а вопрос так и стоял во весь рост: почему Православие – единственная правильная вера? Гены вопияли что-то невразумительное и неразборчивое, но явно об иудейских корнях и «предателях-выкрестах». Другая их часть с немецким хладом и голландской рассудительностью спокойно доказывала логичность и взвешенность западных католицизма и протестантства. Третья – от православных родных – упорно гнула свою линию. Напряжение нарастало, душило, не давало покоя.

Дойдя до отчаяния, вновь бросилась к учителю.

– Об этом пишет Новоселов.

И – все (М. А. Новоселов. Догмат и мистика в Православии, католичестве и протестантизме. М., 2003).

Православные гены в количестве одной трети списочного состава под звуки «Прощания славянки» бодро распустили знамена и развернули долгожданный парад.

Когда попробовала обсудить вопрос с соседкой, доказать ей истинность именно Православия путем последовательного сравнения разных вер, та вытаращила глаза:

– Ты что? Какое еще католичество? Какие могут быть варианты? Да мы искони православные. У меня, вон, бабушка из церкви не выходила. Внучке три года, она мать каждый день в церковь тащит: «Пойдем, мама». А та и не знает, что ей там рассказать, как что объяснить. Причастить ребенка нужно, наверное?

Слава Богу! Я надеюсь, что таких, как моя соседка, в России – большинство. И когда они встанут на первые свои литургии, приведенные по молитвам бабушек и прабабушек, притащенные за руку дочками и внучками – у них не будет никаких колебаний, что Православие – их единственная вера.

А нам, в ком бурлят крови иных народов, – приходится барахтаться.

Ничего, выплываем потихоньку.

ЧТО НАМ НУЖНО ОТ ХРИСТА

Принято считать, что верующие люди делятся на три категории: рабы, наемники и дети. Но я бы выделила лишь две. Раб – тот, кто работает господину из-под палки, от страха наказания. Случилась беда – ты в церковь: «Не наказывай больше, я уже тут!». Однако в таком забитом, трусливом и злобном настрое долго не продержишься. Так что это состояние практически сразу сменяется попыткой заключить с Создателем честное коммерческое соглашение: «Я здесь, у Тебя. Все делаю, что велишь. Стараюсь. А Ты мне по вере моей, по мере моей, по вкладу моему – блага при жизни и Царство Небесное после смерти. По рукам?» Грустно признаться, но почти все мы – именно таковы.

А еще есть – дети Божии. Которые проникнуты всепоглощающей любовью, как малыши к родителям. Для которых в жизни есть лишь одна правда, одна ценность, одна мечта, путь и истина – родитель, Христос. Вырасти в это состояние трудно, но на самом деле именно в этом – смысл жизни.

Святой Афанасий Александрийский говорил: «Бог стал человеком, чтобы человек мог стать богом». Не невидимым всемогущим вездесущим духом, разумеется, а братом-близнецом Христа. С такими же, как Его, чувствами, мыслями и возможностями. Так же исцелять больных, воскрешать мертвых, давать надежду и спасать от вечной смерти. Каждый из нас это может.

Если в нем будет жить Христос.

Вопрос в том, какой ценой придется заплатить за вселение Его.

Эту цену знают святые. Преподобные, исповедники, равноапостольные, страстотерпцы, юродивые. Жизнь каждого из них – это многие годы испытаний и добровольного несения подвигов. В горах, в пустынях, в затворах – босые и голодные на оживленных городских улицах, в непосильных монастырских трудах и бессонных ночных бдениях – в постоянном пастырском подвиге. Что общего у них? Пламенная, горячая любовь к Спасителю и полное отвержение себя, своих законных плотских желаний. Результат? По их молитвам исцеляются больные и воскресают мертвые, останавливается солнце и падают стены городов.

Ну и где, скажите, где взять такую любовь?

Под лежачий камень вода не течет. Не течет и благодать под уютно лежащее на мягком диване тело. Процесс идет по экспоненте: ощутил в себе первые проблески веры, надежды и любви – вставай и действуй, ограничь себя в излишнем, припади к Таинствам. Укрепленный, ты сможешь больше – и Он подаст тебе больше: любви, веры и надежды. И так виток за витком. Постоянный подвиг – что это? Не обязательно сразу – еженощное молитвенное стояние, но обязательно ежедневное хоть какое-то делание.

По-двиг. Слышите? Я себя двигаю, подвигаю, переставляю. Заставляю.

– Дай же полежать, воскресенье ведь!
– Вот именно что воскресенье. Вставай. Седьмой день – Божий.

– Мяса мне, мяса!
– Потерпишь. Еще пять недель поста осталось.

– Ну я ему сейчас скажу все, что о нем думаю.

– Ты сейчас сожмешь зубы и промолчишь. Хоть подавишься своей злостью, но промолчишь.

– Подайте бедной несчастной, всеми забытой, капельку любви и заботы.
– Сама поди и подай. Вон сколько людей, кому плохо.

«Мне бы в небо» – рывком в Царство Небесное. А иногда – остановиться, расслабиться, отдохнуть, взять небольшой отпуск.

Каждый такой рывок – это неизбежный срыв в полное «не могу». Святые отцы говорят, что в последние времена (то есть в наши) спасение не в исключительных подвигах, а в терпении и несении с любовью о Боге своего креста. Ибо наши души насквозь пропитаны ядом гордости, какого не знали люди в прежние времена. И любое крохотное достижение – неизбежный повод возгордиться. А значит, потерять все и упасть снова, на самое дно ямы, откуда, казалось, уже выбрался.

А каждая поблажка, послабление – то же самое падение, в ту же самую яму.

Потому-то святые отцы и оставили нам учение о царском, срединном, постепенном духовном пути. В нем мера по-двига определяется духовником: жить все время в напряжении, но не иссушающем, а бодрящем и дающем духовный тонус.

Так что же нам нужно от Христа? Всем – разное. Кому-то благ материальных, кому-то любви человеческой, кому-то огня любви к Нему Самому и всем Его созданиям, всем людям, зверям и тварям, к созданному Им миру и служения им и Ему.

КАК УЗНАТЬ, ЧТО НУЖНО ДЕЛАТЬ

Чтобы двигаться, нужно знать – куда двигаться. Откуда узнать волю Божию? Церковь определяет пять источников, откуда истекает слово Господа к нам.

Первый – совесть. Хочется сделать маленькую гадость ближнему, а душа трепыхается. Послушай душу и не делай. Не нужно ее убалтывать: «Да ерунда это, мелочевка, никому хуже и не станет». Заглушить ее тихий голос – проще некуда. Но совесть – это именно голос Бога внутри тебя. Раз за разом затыкая уши, отказываясь слушать ее и слышать, постепенно глохнешь духовно. И перестаешь принимать информацию из небесного источника. Со-весть – со-слушание, со-служение, со-сложение человека и Бога, Божья весть лично тебе.

Второй – Священное Писание. Открываем Евангелие и читаем, к примеру: «Не судите, да не судимы будете» (Мф. 7, 1). Как это понимать? Буквально. Просто – не судить никого, не осуждать, не оценивать. Это Бог говорит тебе – так Он хочет. Значит, нужно просто исполнять. То есть, конечно, это вовсе не просто.

Третий – богослужение. Что тебе там прозвучало, так и поступай. Слышишь: «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых» – не ходи на совет нечестивых, то есть в собрание-компанию, где хулят Бога словами либо делами.

Четвертый – слова духовника. В его лице к нам всегда обращается Господь, высказывая Свою волю.

Пятый – Промысл Божий. Внимательно глядя на происходящее в своей жизни, в конце концов учишься понимать, что произошло, почему и для чего. Люди вокруг нас – проводники Его воли, даже если они грубые и злые, даже если специально делают нам подлости. С ними Он разберется отдельно, не наше это дело – судить их (смотри выше). Наша задача понять: зачем это произошло? Чего Он хочет от меня в этой ситуации? Чему учит? В какую сторону меняет душу? А коли понять не удается – то просто принять: «Не ведаю, зачем ты послал мне это, но тебе виднее, да будет воля Твоя, а не моя».

В этом смысле очень показательно, например, наше отношение к оскорбляющим нас. Ибо что мы делаем в ответ на хамство в свой адрес? Чаще всего – хамим в ответ. С особой жестокостью (чаще от страха) или с удовольствием (от высокомерия). Бывает, впадаем в грусть-печаль. А святые, например, благословляли и прославляли своих оскорбителей. Потому что так только и можно выработать и закалить в себе смирение – добродетель, противоположную самой страшной, дьявольской страсти, гордости, – лишь благодушно и без малейшего огорчения перенося несправедливые попреки.

Пробовали?

Я пробовала.

Несколько лет упорных трудов – и получается. Иногда. В наилучшее, благоприятнейшее время жизни и суток. Когда душа долго уже находится в полном равновесии и все вокруг вполне беспроблемно. И когда я к этому готова. Но дернуть меня нежданно, или после бессонной ночи, или когда голодна, когда расстроена… Не рекомендую.

Хотя рассудком четко понимаю: да, сейчас, в незаслуженной мной грубости в мой адрес, действует Промысл Божий, исцеляющий от гордости мою бедную больную душу.

Когда происходит что-то плохое, очень трудно поверить, что в этом – Бог. Неужели Он хочет смерти родного мне человека? Ухода из дома мужа? Проблем у ребенка? Страданий и болезни?

Святитель Филарет, митрополит Московский, в своем Катехизисе дает определение Промысла Божия: «Промысл Божий есть непрестанное действие всемогущества, премудро-

сти и благости Божией, которым Бог сохраняет бытие и силы тварей, направляет их к благим целям, всякому добру содействует, а возникающее чрез удаление от добра зло пресекает или исправляет и обращает к добрым последствиям». Эта небольшая цитата уже много лет выручает меня… Иногда несколько раз в день. Быть может, и вам пригодится?

Из приведенного определения следует: все дурное и злое, болезненное и низкое есть следствие нашего уклонения от добра, и оно непременно изменится Господом на полезное и благоприятное. Нужно лишь ждать в терпении и не роптать. Не думать, что ты умнее Бога. Да, не всегда есть силы перенести скорбь. Тогда мы просим об укреплении, о вразумлении – как поступить, о терпении, о силе. Только не вступать с Ним в пререкания! Как любящий отец, Он все поправит, все обернет к лучшему – просто иногда добро не в том, чтобы сию минуту получить конфету, а чтобы через месяц найти клад, какого не искал.

МОЛИТВА

Труднее всего – молиться Богу. Но и важнее всего – молиться Богу. Земля стоит молитвами, и если в церквах, домах, монастырях и пустынях перестанут возносить к небу молитвы, она перестанет существовать. За ненадобностью. Как давным-давно перестал существовать допотопный мир, в котором из молитвенников осталось лишь одно семейство Ноя.

Раннехристианский философ Тертуллиан писал: «Каждая душа – христианка». Она помнит своего Творца, и обращаться к Нему для нее естественно. Поэтому в любой критической ситуации мы бросаемся за помощью именно к Богу. До времени отношение наше к Нему потребительское и ситуативное. Но, начав регулярно ходить в церковь, становишься перед непреложным фактом: молитва – это осно ва жизни.

Прежде всего, любое церковное богослужение есть общая молитва всех стоящих в храме. Трудностей и искушений на ней не счесть, они обсуждаются в разделе о богослужении.

Есть еще утреннее и вечернее молитвенные правила. Они обязательны для каждого христианина. Продолжительность каждого правила – около 15 минут. Да, они краткие, но все равно сопряжены с трудностями, главная из которых – опустить, пропустить, замотать, не успеть, рухнуть и заснуть, убежать на работу, просто забыть (это в самом начале пути) либо, проявив недюжинную силу воли и выдержку, презреть оглушительные вопли совести и правило все же – не прочитать. Какое-то время греет надежда: привыкну, втянусь, само собой дело пойдет, без проблем. Уходят годы – но ежедневная борьба продолжается. Оказывается, привыкнуть «на автомате» молиться в положенное время – невозможно. Молитва – это действие, неравнозначное чистке зубов (хотя осуществляются они последовательно, безотрывно друг от друга). Ибо всякий раз, как мне вставать на правило, приятно оживляется сущий рядом бес и встает на собственное правило, на собственный пост – его задача не допустить меня помолиться эти недолгие 15 минут.

Способы борьбы? Во-первых, неуклонность и неотступность. Здесь действует тот же закон, что и при любом контакте с этими низшими духовными сущностями, – если они видят, что я раз за разом, не уступая им, дважды в день, хоть вокруг пожар и буря, – читаю правило, то отступают, дабы начать пакостить в чем-то ином, в чем окажусь податливей. А раз уж поддалась им раз, то и другой и третий неизбежны. Тогда и битве с совестью, ежеутренней и ежевечерней, конца-края не будет.

Во-вторых, помощь и советы священника. В-третьих, и в-главных, – «просто» полюбить Христа настолько, что без разговора с Ним день будет не в день, и ночь – не в ночь. Настолько, чтобы без Любимого все валилось из рук, и сон не шел, и пригорала пересоленная каша. Именно так и молятся по-настоящему верующие люди. От большой любви, а не по обязанности!

Но нам приходится – по обязанности. Принуждая себя. Помня, что «Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф. 11, 12). Зная, что не навсегда эта сухая обязаловка и Христос за терпение наше подаст когда-нибудь радость молитвы. С усилием, с неохотой, но пробивая навстречу Ему тоннель сквозь гранитную гору своей нелюбви и испорченности, сбивая руки кайлом и киркой, ужасаясь мизерности результата: уже обессилел, а в сплошной скальной породе вместо широкого сияющего тоннеля видна лишь крохотная ямка. Однако будем знать и помнить, что с той стороны навстречу нам с

принципиально иной скоростью и силой движется Он Сам. И единственное условие встречи в готовом тоннеле – не опускать руки.

Всегда читается молитва перед едой и после. Пища и питье – условие нашей физической жизни. Вопрос в том, кто их нам дал. Казалось бы, если я сама заработала деньги, купила продукты и сварила обед – то кому должна быть благодарна моя семья? Ясно, что мне. Но Кто дал мне работу, здоровье, чтобы выполнять ее и варить обед? Кто дал дом – с кухней и плитой и кастрюлями? Кто дал смысл готовить этот обед – подарив мне семью, ради которой и делаю все это? Итак, в целом – Кто подал, подарил мне эту пищу? Господь. Так простой, обыденный, привычный обед соединяет меня с Богом, с Его бесконечной любовью. «Мы – то, что мы едим…» Вкушая пищу с любовью, благодаря за дарованные нам еду, кров, тепло, преданность родных и друзей – приобщаемся к Его божественной любви, уподобляемся Христовым ученикам, собравшимся на встречу с Ним. Недаром в древней церкви так важны были агаппы – совместные трапезы, происходившие после Божественной литургии, на которых и стар и млад, и богатые и бедные совместно вкушали пищу, славя Всевышнего.

Ну а коли сам с усам, то сам и живи. Ты, как наглый подросток, уверен, что ничегошеньки тебе от Родителя не нужно, ибо – уже большой, ибо – все можешь.

А Он, как всегда, долготерпит. И ждет, пока очнется Его грубое неблагодарное дитя.

Обращаются к Богу и с краткими прошениями в течение дня. «Господи, помоги», «Господи, не оставь» – с любыми, которые согревают сердце. Вершина этих прошений – Иисусова молитва, но на нее непременно нужно благословение духовника, иначе вместо собирания, соединения души, начнется ее разрушение.

– Почему? Я хочу молиться, купил молитвослов, там есть Иисусова молитва, я хочу ее творить. Но почему же этого не делать без благословения? В молитвослове ничего про ограничения не написано. Да я и сам не предполагал, что какие-то ограничения могут быть. Это же молитва, как она может разрушить мою душу?

– В молитвослове Иисусовой молитвы – нет. Именно по указанной мною причине. Я видела человека, который по своей воле и желанию начал ее читать. Всего-то, казалось бы, несколько безопасных слов: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного». Видели бы вы, как искажалось при этом его лицо, как стекленели глаза. Со стороны смотреть было неприятно. В чем дело? Очень просто. Человек он был гордый, очень-очень гордый. И в момент, когда его раздражение женой с пасынком достигало апогея, он, дабы не сорваться, принимался себя успокаивать этой молитвой. Мол, потерпи, мой милый, потерпи, ты сердишься, но нужно терпеть и смиряться. Что плохого в этом? Только то, что это «нужно смиряться», «нужно терпеть» лежало у него на поверхности, а парой миллиметров глубже продолжали жить раздражение и уверенность в своей правоте. Но он-то при этом читал монашескую Иисусову молитву, то есть якобы духовно себя «строил». Получалось так – псевдодуховное действо, подкрепляющее и взращивающее его и без того огромную гордыню. Когда священник, к которому этот человек изредка захаживал, услыхал про его «духовный» опыт, немедленно и категорически запретил произносить эти несколько простых слов. И что же? Впредь в конфликтных семейных ситуациях наш герой принимался скрипеть зубами, вращать очами и цедить сквозь зубы: «Н-да-с, жаль, что о. Григорий мне зззззз-запретил Иисусову молитву…»

Священник, следящий за твоим духовным путем, увидит, когда именно тебе пойдет впрок Иисусова молитва. Нечто похожее происходит с лекарствами. Каждое хорошо в свое время и в своей дозе. А назначения делает – врач.

– Да, но почему другие молитвы можно читать всегда?

– А потому что Иисусова молитва – особая. Это сугубое призывание имени Христова. Читайте книжки, про нее много написано и святыми отцами, и современными авторами. Есть и книги, более чем доступные для нас, новоначальных. (Епископ Диоклитий Каллист (Уэр). Сила имени. Молитва Иисусова в православной духовности. Тула, 2004 г.)

Есть и другие виды молитв. Не все знают о такой, например, вещи, как молитва по соглашению, хотя среди верующих она применяется достаточно часто. Молитва по соглашению основана на словах Христа: «Если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного, ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18, 19–20). Как творится эта молитва? Берется благословение, оговаривается единое время и единый текст – и точно в это время все, согласившиеся просить о некоей конкретной вещи, становятся читать эту единую молитву – телесно порознь, но духовно вместе. Молитва по соглашению очень помогает, когда нам или членам нашей семьи нужна поддержка. Прошение она может содержать любое – выздоровление, сдача экзамена, налаживание семейных отношений, получение работы. Условие ее – искренность всех молящихся.

А еще мы часто просто просим молитв ближних.

– Помолитесь обо мне. У меня никак не пишется курсовая работа.

Через несколько дней:

– Спасибо за молитвы. Все в порядке. Потрясенная, я смотрю в глаза благодарящей.

– Откуда вы знаете, что я за вас действительно просила?

– Я чувствовала.

– Но как?!

– А вы попробуйте сами, попросите молитв – тоже почувствуете.

Пробовала и пробую, все время прошу молитв тех, в ком уверена – любят и отзовутся, действительно не забудут, действительно помолятся. Вижу результаты – происходит то, о чем просила их молиться. Но вот насчет «почувствуете» – это явно иная мера. Не моя.

Мы постоянно встречаем в церкви тех, кто ушел дальше. Кроме священников, кому Сам Бог велел, кроме наших катехизаторов и преподавателей (кто потому и пре-пода-ват-ель, что ему есть что «подавать») – ими оказываются обычные мужчины и женщины, неприметно стоящие в уголке.

Долго не находила себе места: если Господь всеведущий и всесильный, если и несоделанное мною уже записано в Его книге жизни – что изменит моя молитва? Он решил, законоположил какое-то событие или ситуацию – чего же я брыкаюсь, молюсь о чем-то? Грустно, но самые опытные прихожане не смогли ответить на это детское отчаяние.

– Молиться – наша христианская обязанность.

– Да, но зачем? Зачем просить о том, чего все равно не будет, потому что план Божий – иной?!

– Так хочет Бог.

– Да не может Он хотеть бессмыслицы! Не верю.

В очередной раз, не первый и не последний, душу привел в порядок учитель.

– Как это – ничего не изменится? Именно что по нашим молитвам Он меняет план Свой о нас. В этом и состоит наше с Ним со-действие, взаимо-действие.

И вновь все встало по местам.

Действительно, наша свобода, которую Он Сам дал нам, – идти за Ним или против Него, любить Его или ненавидеть, выполнять Его волю и свое предназначение, или плыть по воле своих страстей – момент каждого нашего выбора меняет Его планы, корректирует их, перестраивает мироздание, ибо чтобы разрешить одну-единственную тупиковую, злую,

катастрофическую ситуацию, в какую заводит нашу жизнь наша свобода – Он перевязывает и вновь соединяет тысячи нитей иных судеб и событий.

Всемогущий и Всеблагой.

И Промысл Его – непрерывен: из глубин нашего зла – к общему добру.

ИКОНА

Нужно хорошо понимать, что икона – не предмет поклонения. Это образ Бога, Его Матери или святого, данный нам для того, чтобы мы могли сосредоточенно воззвать к ним. Еще одно свойство иконы – уже не душевное, а духовное. Икона – это дверь в иной мир, в иную реальность.

Как правильно подойти к иконе? Сначала мы встаем перед ней и дважды крестимся, кладя поясные поклоны. Прикладываемся, или, говоря проще, – целуем икону. Не лик, конечно, – руку или облачение. Затем крестимся в третий раз.

К чему такие сложности? Честно говоря, когда маленький мальчик, с интересом наблюдавший за моими поклонами перед иконой, спросил: «Тетя, а зачем ты это делаешь?» – я не нашлась, что ему ответить. Пошла узнавать.

Учитель объяснил так. Наше сердце, вся наша жизнь освящаются крестом. Накладывая на себя крестное знамение, мы освобождаемся от всего лишнего, наносного, и невидимо и даже неощутительно для собственных чувств входим в иную – духовную – реальность, в ту, которая изображена на иконе. Почему нельзя, неблагоговейно прямо подойти и поцеловать икону? Потому что сейчас ты пришел к ней, весь земной, страстный, никем и ничем не охотайственный, как вошел бы – руки в боки – с улицы в царские покои. Но тебя во дворце никто не знает. Тебя не примут. Крест – тот ключ, который открывает дверь, знак царю и его приближенным: пришел свой.

Понимая свой чин и свое место, ты оказываешься не хамом в грязных сапогах, рвущимся на царское крыльцо, а званым гостем на царском пиру.

А почему икона обязательно должна быть освященной?

Не должна.

Молиться можно перед любой иконой, хоть вырезанной из газеты, хоть собственноручно нарисованной. Вовсе без иконы.

Но есть же отличие освященной иконы от неосвященной?

Есть. Такая же разница существует между любым освященным предметом и предметом неосвященным. Освященный предмет (то есть тот, над которым священник прочитал соответствующие молитвы и затем окропил святой водой) – делается собственно Божиим, принадлежащим тому, духовному, миру. Фотография или любое другое изображение помогает нашим чувствам сосредоточиться, вниманию – не отвлекаться. Но перед освященной иконой мы оказываемся на пороге Царства Небесного.

И еще одно недоумение преследовало меня какое-то время. Зачем целовать икону? Потом родился совсем простой, наивный ответ – чтобы быть совсем вместе. Думаю, это верно. Мы прижимаем к сердцу вещь, подаренную любимым человеком. Целуем его фотографию. Сгребаем в охапку его пальто и прижимаемся к нему лицом.

Эта неудержимая эмоция имеет духовное обоснование: «Относительно прикосновения Православная Церковь верна своему Основателю, Господу Иисусу Христу. И в Его деяниях по спасению людей прикосновение играет главную роль. Он коснулся руки больной тещи апостола Петра – и горячка оставила ее. Иаирову мертвую дочь Он взял за руку – и девица воскресла. Кровоточивая женщина прикоснулась к одежде Его – и кровь, которая двенадцать лет текла, перестала течь. А Иисус почувствовал силу, что вышла из Него. Когда приступили слепцы, Он прикоснулся к глазам их – и они стали видеть. Петру, когда тот тонул, Он протянул руку – и спас его. Также Он коснулся прокаженного – и тот очистился. Бросились к

Нему обезображенные болезнями, чтобы Его коснуться… и которые прикасались к Нему, исцелялись» (Святитель Николай Сербский. Двести слов о вере и любви. Минск, 2006).

СКУКА НА БОГОСЛУЖЕНИИ

Смысл Церкви – литургия. Вне литургии нет ничего, нет самой Церкви. Ее сердце и суть, цель и вершина – Евхаристия, Христова жертва за мир. Создатель мира кладет Самого Себя на алтарь и подает верующим Свои Тело и Кровь. Евхаристия – таинство. Это значит – понять, что происходит, как происходит и описать это – невозможно. Но можно в этом у-част-вовать. Стать частью и членом происходящего. Частью Христова Тела. Членом Его Церкви.

…Священник выносит чашу с телом и кровью: «Со страхом Божиим и верою приступите».

О богослужении, его видах, частях, смыслах написано огромное количество литературы… Здесь же мы поговорим о том, зачем нужно идти на литургию, почему нам так часто до нее не дойти и какие проблемы нередко возникают, когда уже стоишь в храме.

Как мне было скучно на службах! И как я страдала, уверенная, что – одна такая на белом свете. Что вот стоят вокруг нормальные люди, вперив взор в Царские врата и в то, что за ними происходит. Молятся. Парят в высях. И лишь я одна тут – урод. С ноги на ногу переминаюсь, мысли в стороны разбегаются, тягота и тоска. И когда все это закончится?

Хорошо еще, что вся служба отмечена радостными вешками, когда душа стряхивает оцепенение и на краткие мгновения оживает. По ним и шла. От одной до другой. Тропари с клироса зазвучали. Чашу вынесли: «Да помянет Бог во Царствии Своем». «Святая святым». Славление.

Проповедь. Моменты пробуждения – встряхиваешься – и снова потихоньку сползаешь в скуку и вялые мысли о домашних заботах.

Понимаю деток, которые маются на службе. Ибо родители не берут на себя труд вкладывать время и душу, чтобы объяснить, научить, приготовить. Они просто не подозревают, что это нужно делать. И дети стоят по любви к родителям, по доверию к ним. Терпят: «Мама, скоро? Мама, через полчасика, да?»

Сказать кому-либо: здесь скучно, томительно, невыносимо – мне в голову не приходило. Как не пришло бы в голову пройтись по улице без юбки.

Но вот однажды!..

Дело было в Волгограде. Шли первые дни жизни в семейном православном поселении «Отрада», каждое лето организуемом Свято-Сергиевым епархиальным училищем. Его организатор, бессменный руководитель и духовник священник Анатолий Гармаев написал несколько книг, потрясших меня, как многих и многих других читателей («Психопатический круг в семье», «Этапы нравственного развития ребенка», «От зачатия до рождения», «Пути и ошибки новоначальных» – все они многократно переизданы). Когда оказалось, что в его поселение можно поехать, пожить там, – я схватила под мышку восьмилетнего сына и, благословившись, рванула туда. Там на холмах цвел шалфей. Там помидоры почти с меня ростом тянулись к небу без всяких теплиц и гнулись от плодов. Там поселение жило церковным укладом. В центре под дубом стояла маленькая деревянная церковь. На праздники водили хороводы (настоящие хороводы!). Но главное – там был сам батюшка с его невероятной, невиданной мною ни до ни после улыбкой. И другие люди, юные и довольно зрелого возраста – его ученики и сотрудники. Эта любовь горела во мне несколько лет ярким светом, а ныне, да и теперь – не угасла, нет, разлюбить их было бы немыслимо – но обратилась в тихую теплую благодарность и ежедневную молитву о них.

А в те первые волгоградские, «отрадные», дни все было внове.

Воцерковленные, воцерковляющиеся и вовсе новоначальные православные встали в кружок. Рассчитались на первый-второй. Задание было: рассказать напарнику свою самую животрепещущую на сей момент проблему. Моей визави оказалась весьма «церковного» вида пожилая женщина: невысокая, сухонькая, платок до бровей, губы в ниточку, взор тверд и прям. Говорить с ней было страшно, но надо – человек я послушливый. Итак, что самое важное для меня сейчас?

– Мне скучно на службе. Особенно на всенощной. Литургия еще так-сяк, а вот вечерняя служба…

Испуганно краем глаза глянула на собеседницу. Ну, думаю, сейчас такое услышу. И вдруг она прямо на глазах помолодела. Зарумянилась. Глаза заблестели. Улыбнулась. (Да она, оказывается, немногим старше меня!)

– Со мной было то же самое. И сейчас случается. Я делаю при этом вот так. А еще помогает вот такое. А мой духовник посоветовал всем в таком случае.

И у нее? И священник давал советы – всем?

А на следующий день там же, на лавочке под кряжистым раскидистым абрикосом, другая женщина рассказала мне свою историю на ту же самую тему. (Это я осмелела после вчерашнего и стала задавать вопросы.)

Наталья приехала сюда несколько лет назад. Привезла дочку-подростка на три недели, а та по истечении срока поставила маму в известность, что остается, никуда отсюда не поедет. Наталья подумала-подумала, съездила домой, уладила дела, уволилась с работы, выдержала все причитающееся от неверующих родителей, как могла успокоила их – и вернулась в Волгоград. К дочери. Жить. Преподавательница Петербургского Университета, ленинградка в энном поколении, владелица квартиры в северной столице – в комнату училищного общежития, которую делила с соседкой.

И до сих пор они с давно уже взрослой дочкой – там.

Едва-едва начавши ходить в церковь, моя новая знакомая оказалась в таком месте, где порядки строгие и правила нерушимые, и как раз к началу долгих великопостных служб. Присутствовать на всех было обязательно. Дважды в день. Приходила, вставала вместе с остальными, но очень скоро буквально падала с ног и в продолжение богослужения даже не сидела, а пласталась на лавке. Было нечем дышать, невыносимо скучно, непонятно и стыдно. «Едва выдержала первые пару недель, – говорила она, – хотелось на все плюнуть и сбежать». Но к концу Великого поста уже спокойно выстаивала все на собственных ногах. Наталья – женщина средних лет, не так чтобы особо здоровая, весьма дородная. Но дело не в физической подготовке. «Дух бодр, плоть же немощна» (Мф. 26, 41).

Сбежать хочется часто. Уже пришла, уже стою. Но нестерпимое чувство гонит вон. Либо дома что-то случилось, либо просто: не хочу! не могу! не буду! Чаще всего такое почему-то происходит на всенощной.

Вариантов, собственно, всего два – уйти либо остаться. Опробованы оба. Проверено: если сбегала, дальше все шло наперекосяк. Ни толкового ничего не делала, ни, отправившись за утешением в гости, утешения искомого не находила.

А оставшись, перемаявшись, в итоге получала награду – отличное настроение к концу службы и прекрасный остаток вечера либо целый день. Так что самое милое дело в подобных случаях – потерпеть.

Священник Анатолий Гармаев советует: детям стоять на службе до второй маяты. То есть до того, как иссякнет второе дыхание. Но мы же не дети! У нас и терпения поболе, и сознания.

Особое искушение: «Не могу идти на службу, неотложные дела». Помню ужасный, на всю жизнь поразивший случай. Дело было все в том же Волгограде. Мужчина, собиравшийся назавтра, в воскресенье, причаститься и сразу уехать домой (билеты были куплены загодя), постоял немножко на всенощной, исповедался и пошел – нет, не спать-почивать, а чинить столб электропередачи, поскольку в трапезной света не было, ужинали при свечах. Он надел на ноги кошки, взял инструменты, влез на столб и начал монтировать проводку. Тем временем служба закончилась и народ потянулся в трапезную. И вот, к ужасу всех, кто это видел, столб начал медленно падать – все ниже, ниже – как в кино при замедленной съемке – и электрик, прочно прикрепленный к нему кошками, упал лбом об асфальтовую дорожку, и краем на него – деревянный столб.

Он остался жив. Более того, назавтра причастился и с перебинтованной головой и сильными болями, но целый и в здравом рассудке, уехал домой.

И вот с тех пор, когда во время богослужения есть соблазн пойти по своим «неотложным делам» или даже «церковным нуждам», вспоминаю тот давний случай.

А с кем-то происходит наоборот. Призывающая благодать, которая только и приводит каждого из нас в церковь, действует иногда подобно жаркому солнцу, мгновенно растапливает, расплавляет все прежнее и в одночасье меняет человека. Моя подруга, как и многие-многие другие православные, имеет именно такой опыт.

– Сейчас мне уже непонятно, как я могла тогда, 12 лет назад, выстаивать долгие монастырские службы – по 4-56 часов – с годовалым сыном на руках. Откуда силы были, не понимаю. И сколько счастья приносили эти службы – ни до, ни после, всю жизнь столько счастья на меня не изливалось!

Так что – по-разному бывает.

ТРУДНО СТОЯТЬ. ДУШНО

– Я не хожу в церковь. Не могу стоять. Ноги не держат. Сил нет. Спина болит.

– Там есть скамейки.

– На скамейках сидят бабушки. И то не все. Многие стоят. Не могу же я, в моем возрасте, сидеть на службе. Это невозможно.

Это возможно. Потому что если ноги и спина действительно больные, то, благословившись, можно сидеть, практически не вставая. Каждое воскресенье вижу женщину, которая поднимается с места лишь на чтении Евангелия, Херувимской и при выносе Святых Даров. Стоит, всем телом тяжело навалившись на палку. Потом снова опускается на скамью. А в глазах – покой. Она в храме.

Скажу по секрету, именно весьма и весьма престарелые прихожанки почему-то первыми замечают, как подкашиваются ноги у подростков, как ослабевают молодые, как почти падаем мы, женщины средних лет. Оглядываю ряд скамеек: нет ли местечка? Тут же неизменно поднимается какая-нибудь из бабушек:

– Садись, деточка.

– Да что вы, я постою.

– Садись-садись, ты устала. Отдохни.

Другая вскакивает, завидев печальный блуждающий взор мальчика-подростка. Садитесь, не сомневайтесь. Она немножко постоит. Ей это в радость.

Если наши ноги, спина и прочие части тела не вконец больные, то держимся мы вертикально или не держимся, зависит не от них. От нашего духа. А он, увы, слабоват. Что поделаешь! Можно и раскладной стульчик с собой взять, ничего страшного.

Как я помню свои первые стояния на службе! Только у дверной притолоки. Буквально стекая по ней. Периодически садясь прямо на пол. Литургия моего первого церковного Рождества – согнувшись крюком, руками опершись о колени, ноги полусогнуты. Я хватала воздух ртом и не могла вдохнуть до конца. Кружилась голова. И все это – перед самой солеей, в крохотной церковке пять шагов в длину и столько же в ширину, лицом к лицу с отцом настоятелем и сослужащим батюшкой.

Ничего. Прошло. То есть в острой форме прошло. А в вялотекущей – куда оно денется? Присаживаюсь, конечно, как и многие. Стоят, вижу, те, кто иные, чем я. Кто действительно идет ко Христу. Служит Ему.

«Мне дурно от запаха ладана, мне душно, я задыхаюсь». Заслышав подобное, некоторые тут же испуганно крестятся и отодвигаются подальше – не бесноватая ли пришла, что дышать ей в храме нечем? Не нужно пугаться и вестись на подобные охи-вздохи. Это случается со многими. Главное – вы уже в церкви, в доме Бога и под Его защитой. А если дурно от спертого воздуха, если почему-то мутит от ладана – не решайте вопрос сами или, что еще хуже, с профиправославными говорливыми прихожанками. Скорее всего, это проделки нашего врага – он не хочет, чтобы вы ходили в храм. Не нужно ему это. Ждет, что испугаетесь и отступитесь.

Спросите священника, как быть. Может, он вас благословит посещать службу, например, по будним дням, когда народу мало – или как-то иначе предложит решить проблему. В любом случае, если вы будете регулярно ходить на службы, то в достаточно скором времени все указанные симптомы должны исчезнуть.

КАК МЫ МОЛИМСЯ В ХРАМЕ

Мы написали записки. Подали их. А что дальше-то происходит?

В конце первой части литургии (оглашенных) их читают священники. Вслух. Всему храму. Имена, которые мы с вами любовно перечислили. Просят Господа спасти и помиловать этих наших родных и близких.

А чем в это время занимаемся мы? Вспомнили, православные?

Притомившись от службы, встали «вольно», чуть расслабились, позу поменяли, свечку передали, икону рассмотрели, припозднившемуся знакомому улыбнулись и кивнули, ребенка чьего-то вперед пропустили, по головке погладили. Кто-то губами зашевелил – о своих живых и усопших молится. Более продвинутые прихожане помяники пухлые повытаскивали, по ним читают, а неофиты на них с уважением поглядывают. Словом, в храме кипит жизнь. Отчасти молитвенная. Каждый – о своем и своих.

А у престола стоят священники – с нашими записками в руках. И душа переворачивается: я как всегда о своем собственном, а они как всегда – обо всех. Неужели одни? Не может быть, чтобы никто сейчас здесь не молился за тех, кого – как и священники – не знает, но кого любит кто-то, подавший эти записки. О неизвестных, живых и мертвых. Все мы – единая Церковь, и не может быть, чтобы лишь они, стоящие в алтаре, молились за этих людей. Что же я-то? Я тоже прошу Тебя, Боже мой, прости и помилуй.

Спаси и сохрани всех этих незнакомых мне людей. Мы связаны невидимыми и неведомыми нитями через тех, кто любит их и стоит сейчас рядом со мной. На многая и благая лета, Господи… живых. Души их во благих водворятся… мертвых. Мы – Церковь.

Какие же все это вялые, слабые попытки, с какими негодными средствами.

Вообще велик соблазн счесть все богослужение удачным фоном для собственной молитвы. Милой рамкой для драгоценного бриллианта – моего собственного вдохновенного молитвенного делания. Я стою в храме и обращаюсь ко Господу, я прошу Его о своем. О насущном – или о высоком – и моя молитва поддерживается и подхватывается святыми, чьи лики глядят с икон по стенам, и возносится к небесам голосами хора, и в нее вплетаются прошения и возгласы священника, и…

Стоп. Все это категорически неверно. Богослужение – «Богу служение» – но отнюдь не способ «обслуживать» мои «религиозные потребности».

Идет литургия, и народ Божий во главе со своими предстоятелями просит Бога за весь мир. О спасении всех и каждого, в нем живущего. И Тот в ответ на мольбы приносит в жертву Самого Себя, лишь бы грехи Его детей были искуплены. И чаша наполняется Его кровью. И христиане подходят к Святой Чаше и причащаются. И становятся едины с Ним. Стоят перед Его престолом. Вместе с ангелами славят Его, и ликуют. И скорбят лишь о тех, кто сейчас не с ними – но молят о них.

Вот что происходит сейчас.

Служение всей Церкви, единение ее с Богом.

А вовсе не удовлетворение моих духовных запросов.

– Передайте, пожалуйста, свечки.

– Тссссс.

– Передайте, пожалуйста, свечки.

– Чшшшшш.

– Да передадите вы свечки, наконец? Передадим. Когда закончится «Херувимская»: «Иже херувимы тайно образующее и животворяще…» В это время по храму не ходят, это особый момент. Нужно забыть о земном. Есть и иные моменты богослужения, когда никто в

вашу сторону и бровью не поведет. При чтении Евангелия с нами говорит Христос, поэтому стоим, молчим и тихо слушаем. Вынос Святых Даров – Сам Господь выходит к нам. На всенощном бдении время особой молитвенной сосредоточенности – «Шестопсалмие», чтение при выключенном свете шести покаянных псалмов.

Кто-то деликатно прижмет палец к губам и тихо ответит: «Чуть позже». Кто-то бровью в вашу сторону не поведет. Кто-то раздражится. Не обижайтесь, пожалуйста.

Разговоры в храме, как разговорчики в строю, – вещь недопустимая. Но укротить свой язык трудно. Для этого в нашем храме развешены таблички с изречением св. Амвросия Оптинского: «Разговаривающим в храме посылаются скорби». Просто предупреждение.

ПОСТОРОННИЕ МЫСЛИ

Во время службы в голову непрерывно лезут посторонние мысли. Разные. Иногда настолько отвратительные, что даже сомнений не возникает – посланы дьяволом.

– Как он может присутствовать в церкви, во время службы? Почему не боится креста на куполе? Свечек, икон, самой службы, постоянных поминаний Христа?

– Что ему свечки? Если уж в райском саду, с безгрешными Адамом и Евой беседовал, рядом сущего Бога не убоялся. Если уж к самому Христу-Богу приступал в пустыне, искусить пытался, торговался, как купчик из Апраксина, царства мира предлагал – кому? Самому Создателю этого мира вкупе со всеми царствами.

Уж нас-то он улавливает в свои сети мгновенно. Заставляет плясать под свою дудку. Бывает, такое подумается, что просто поражаешься: не мое, да и только. Не мое. В этом дополнительно уверяет и то, что вне богослужения подобная мерзость не приходит в голову никогда.

И ведь не отогнать. Но существует эффективная двухшаговая методика. Очень действенная. Первый шаг – покаяние: «Господи, прости меня и помилуй». Второй шаг: просьба о помощи: «Господи, помоги. Избавь». После этого, как правило, мысли удаляются восвояси.

Случалось, не помогало. Тогда – на колени и лбом об пол: «Забери от меня эту гадость!» Минута-две, и все проходит. Что подумают окружающие? Ничего особенного, уверяю вас. Коленопреклонение в храме – вещь самая обыденная. А если кто и скосит на вас неодобрительный взгляд – вам-то что с того?

Но как-то раз и это не подействовало. Тогда предупредила всерьез: «Если ты немедленно от меня не отстанешь, я сейчас же подойду к аналою (там в этот момент шла исповедь) и все это выложу». И тут, наконец, он отпустил. Потому что решимость была твердой – пусть что угодно обо мне батюшка думает, но от этой гадости, похоже, иначе не отделаться.

Бывают мысли и другие. О семейных и душевных заботах. Обычные, вялотекущие – или наоборот, очень активные. Так, наиболее интересные и яркие способы обустройства квартиры (куда полки повесить, как диван переставить) посещают всегда именно во время службы либо домашней молитвы. Эти мысли спокойно отодвигаешь тем же покаянием, той же просьбой о заступлении. Иногда они уходят, если просто сказать себе: «Об этом я подумаю потом, а сейчас – служба».

Но есть и еще одна категория мыслей, которые навещают нас во время богослужения. Мысли о высоком, о духовном, о божественном. Они плавно и незаметно, как ручеек, начинают свой ток от какого-то места службы: возгласа, молитвы, прошения, песнопения. Они качают, и баюкают, и возвышают, струятся и переливаются всевозможными оттенками (нет, какая же я все-таки духовная!), уносят далеко и вьысоко… Но, что характерно – уносят от происходящего на службе.

Поддаться им? Нет, и эти фантазии тоже – долой. Источник у них тот же, что и у прочих помыслов, просто они являют собой более тонкий и сладкий способ воздействия на нас. Чтобы распознать в них вражье наущение, нужен пусть крохотный, но собственный опыт. В качестве такового помогает простейшее испытание.

– Ладно, – говорю я, – если ты, дорогая мысль, такая высокая, полезная и вся о Господе и для Господа – значит, Он хочет донести тебя до меня.

– Да-да, это именно Он хочет, – радостно мурлычет мысль.

– Ну тогда мы поговорим с тобой после службы. И ты расцветешь, и созреешь, и явишь мне всю свою высоту и духовную пользу.

Так вот, свидетельствую – ни одна из них ни разу не вернулась добровольно по окончании литургии. Ни одна. Вспоминая их потом самостоятельно, неизменно поражаюсь:

– Милая, да ты, оказывается, на самом деле маленькая, хиленькая, хворенькая. А какой представлялась ослепительной и духоносной полчаса назад! Как распускалась, сияла и фонтанировала!

Чтобы не отвлекаться, некоторые по советам святых отцов и просто духовно опытных людей, например, неотрывно смотрят в пол. Кто-то – закрывает глаза. Если учесть, что около 90 % информации – причем как нужной, так и ненужной – к нам поступает через органы зрения, ясно, что, отключив на время службы этот канал, увеличиваем концентрацию внимания.

Всякий раз, когда мои мысли, мои скакуны, галопируют в вольные степи, когда, заарканив, подтаскиваю их к своему месту слева от пилона, вспоминаю одну духовную историю.

В некоем монастыре во время храмового богослужения было одному прозорливому иноку видение. Между братьями-монахами, стоящими на своих обычных местах, на полу светились небольшие круги. По храму ходил ангел и одних из братии благословлял, а иных обходил стороной.

То же было со светящимися кругами – некоторые он благословлял, остальные миновал. Инок обратился к нему:

– Что ты делаешь?

– Я благословляю Божиим благословением тех, кто сейчас молится; прохожу мимо тех, кто стоит в храме, но мыслями далеко отсюда. А эти круги – те монахи, которые сейчас трудятся на своих послушаниях и обязаны оставаться там – я благословляю тех из них, кто, пребывая в трудах, сейчас всей душой присутствует здесь, на литургии.

Так бывает часто (и не только со мной) – пришла пустая и ушла пустая. Литургия пронеслась мимо – что-то происходило, но меня там не было – хотя вроде бы стояла, слушала, как-то старалась молиться.

Ловлю себя на этом в разгар службы и вздрагиваю: за царскими вратами престол, перед ним в молитве – священники. Что если и они позволят себе лишь телесно и словесно пребывать здесь, но мыслями и чувствами умчатся вдаль? Что тогда останется от литургии, от этого пути в Небесное Царство? Почему так уверена в них – и такие поблажки даешь себе?

«Мы пахали», – сказала муха, сидя на ушке у вола. «Мы молились»…

Я НИЧЕГО НЕ ПОНИМАЮ

Что здесь вообще происходит? Все непонятно.

Что нужно, чтобы не скучно было стоять на службе? Самое элементарное и самое основное – молиться, участвовать в происходящем. Поет хор – это ваши слова. Обращайте их ко Господу сами. То, что произносит священник, читает чтец, возглашает дьякон, – тоже почти все (кроме обращенного к нам) – слова нас с вами к Богу. Вот и проговаривайте их.

Поначалу очень трудно.

Все сливается в некий сплошной гул. Чтобы начать разбирать слова и фразы, требуется время. Если регулярно посещать службы, хотя бы по воскресеньям, то спустя месяц-другой, уверяю вас, вдруг обрадуетесь: «Да я уже многое понимаю!»

Чтобы побыстрее сориентироваться в структуре службы, купите книжечку с названием вроде «Божественная литургия и Всенощное бдение». Их сейчас выпускают много. Не берите первую попавшуюся. Прежде всего, посмотрите содержание. Наилучший вариант – чтобы под одной обложкой были собраны последование литургии, всенощного бдения, первого, третьего и шестого часа. Отлично, если приведены также краткие уставы-схемы. Дело в том, что в богослужении довольно много мест непостоянных, меняющихся ото дня ко дню. На подобные места даются ссылки, и без определенного навыка в книжках-последованиях разобраться нелегко. Зато краткий устав-схема помогает прекрасно: там все предельно сжато и понятно.

Служить вам эта книжка будет долго, поэтому должна быть хорошо сброшюрована. Если она толстая – в надежном немарком переплете. Если тонкая – на скрепке, а не на клею – чтоб не рассыпалась.

И что с ней делать? Наилучший вариант – читать и разбираться дома. Но это для многих из нас – из области запредельного. Поэтому просто берем ее с собой в храм. Началась служба – открыли и следим за происходящим, насколько это удастся.

Первое время я и с книжкой ничего не понимала. Но выручили именно страницы с краткими схемами. Позже маркером-текстовыделителем отметила для себя как опорные те места, которые всегда и неизменно звучат на любой службе. Так весь текст оказался разбитым на небольшие кусочки. Потерялась, растерялась, не знаю, на какую страницу сейчас смотреть – жду, пока услышу что-либо хорошо знакомое, опорное. «Вот оно!» – и можно дальше следить по тексту.

Потихоньку все становится яснее.

Не стесняйтесь стоять с раскрытой книжкой. Многие священники специально благословляют на это своих прихожан.

Накануне праздника хорошо провести небольшую подготовку. Возьмем молитвослов или календарь, откроем на соответствующей дате, найдем тропарь и величание и либо выучим наизусть (что просто замечательно), либо перепишем на бумажку. В начале литургии и в самом конце поется тропарь, в большинстве случаев – всеми присутствующими. Самому участвовать в совместном славлении Господа или святого – гораздо лучше, чем слушать, как это делают другие! Кстати, если вы собрались на службу, называемую «вечерня с акафистом», акафист тоже лучше всего иметь свой и следить по нему за словами (либо даже петь вместе со всеми).

Что делать человеку, который, недавно ходя в церковь, попадает на пение величания, тропарей или иных молитв, когда из всех собравшихся, как ему кажется, лишь он один не знает слов? Открывать рот и делать вид, что тоже участвуешь? Конечно, нет. Вслушаться,

постараться разобрать слова, подключить к общей молитве пусть пока не свой голос, но свое сердце. Насколько получится. Постепенно будет получаться все лучше и лучше. Потому что, во-первых, вариантов молитв, которые поются всем храмом, всего несколько, и вскоре вы их все выучите просто со слуха. А во-вторых, узнавая про святых и иконы, праздники и события, которые славит Церковь, начиная их принимать и любить, задействуя сердце все больше и больше, уже не стоишь, как прежде, чурбачком бесчувственным (а именно так и бывает со всеми без исключения вначале), а переживаешь и любишь, славишь и радуешься, то есть реально включаешься в происходящее. Так что не стесняйтесь своего сегодняшнего незнания. Ибо уже завтра, быть может, вы будете знать и любить весь чин непонятной вам пока что службы. И испытывать в храме не неловкость, а настоящее, ни с чем не сравнимое счастье. Так и будет, поверьте.

Еще можно и нужно читать книги о богослужении. Гоголь «Размышления о Божественной Литургии», архиепископ Николай Кавасила «Изъяснение Божественной литургии», схиигумен Савва «О Божественной литургии», священно-мученик Сергий Мечев «Тайны богослужения», святитель Серафим Звездинский «Хлеб небесный» – простые, понятные, рассчитанные на нас с вами. О том, что на службе происходит, почему и в какой последовательности.

И все же, что бы мы ни делали, как бы ни старались постичь и понять происходящее, нужно отдавать себе отчет: открывается то, что именно вам хочет сейчас открыть Господь. Не больше. Наши усилия нужны, чтобы суметь взять то, что Он дает. Ради этого все труды, вера и терпение. Но дает – только Он. Постепенно и постоянно.

Однако до церкви еще нужно – дойти. И это не так просто. Как показывает практика, чтобы человек в первые разы пришел на службу – именно на службу, а не просто поставить свечки – требуется почти подвиг. Ибо неизменно случается нечто, не дающее выполнить намеченное. Либо слабость, вялость, температура, грипп, аппендицит, понос или золотуха – у тебя или у кого-то из родных. Либо. Я не буду перечислять. Выйти из дома воскресным утром и отправиться в церковь очень и очень непросто.

На подходе к ней, бывает, тоже что-то случается. Машина окатила грязью с головы до ног, подвернул ногу, звонок на мобильный: ребенку не попасть домой, ключи потерял.

Случайность?

Самый поверхностный анализ покажет: нет. Действие направленной воли. Направленной против твоего решения прийти в церковь.

Как быть?

Для начала осознать, что все происходящее – не случайности. Что с тобой идет борьба. Что тебя не пускают к Богу.

Второе – попросить помощи у Того, Кто сильнее твоего сегодняшнего противника. Господь покроет и поддержит тебя на этом пути. Приведет в церковь, как приведет вообще в любое нужное место и состояние – для Него невозможного нет. Православная Церковь учит, что сами, своими силами мы не только до храма не дойдем, но даже просто руки не поднимем, чтобы перекреститься.

Но мы должны прикладывать свою волю и все силы, какие есть. Бог их умножит.

Могу утешить. Если не уступим и продолжим свои попытки, то через какое-то время лукавый потеряет интерес к этой игре. Да, он придумает другую гадость, и не одну – но в эту уже играть не будет. Разве что изредка. Для тонуса. Так что выход в церковь перестанет быть еженедельной партизанской вылазкой.

Итак, придя в храм и мало что в происходящем там понимая, испытывая разные огорчения и неудобства, недоумения и тяготы, главное, будем помнить: многое нужно просто перетерпеть. От нашей решимости зависит, как скоро мы более тесно войдем в службу.

И не нужно думать, будто кто-то здесь лучше нас. Или хуже нас.

И не нужно думать, что все навеки останется как сейчас. Нет, неприятное постепенно будет уходить, радость от богослужения – нарастать. Все меняется, причем быстро, хотя и малозаметно.

Литургия и всенощная всюду одинаковы, служатся везде по единому уставу. Однако в каждом храме они проходят по-разному. Разные священники. Разный хор. Разные распевы. Разные люди вокруг. Разные стены.

Куда податься?

Туда, где тебе хорошо. Где душа расправляется. Нужно выбрать свой храм. В чужой одежде, чужой колее, чужой семье, чужой церкви – жить плохо. Каждый выбирает по себе.

ТАИНСТВО И ТАЙНА

В таинствах на нас неведомым и в принципе непостижимым образом действует Сам Бог. Зачем Он делает это? Чтобы наше тело, душа и вся жизнь изменились и обновились, стали подлинными, причастными вечности. Таково учение Церкви.

Таинств принято называть семь: Крещение, Миропомазание, Покаяние, Причастие, Соборование, Брак, Священство. Обо всех них написано немало, повторяться не будем.

Главное, что нужно знать: таинства действенны, когда совершаются законно рукоположенным священником. Бывают ли исключения? Только одно: Крещение «страха смертного ради» может совершить любой православный христианин. Если рождается ребеночек, который едва жив и может умереть с минуты на минуту, если умирает некрещеный человек и хочет креститься, а призвать священника явно не успеть. Тогда можно. Но коли этот младенчик выживет, а смертельно больной придет в себя, их докрещивают священники.

Таинство Миропомазания непосредственно следует за Крещением и часто воспринимается как его часть, а не как самостоятельное действие. Миром, освященным только и именно архиереем, изображаются кресты на теле человека. В этом таинстве нам подаются дары, которыми мы будем действовать отныне. Дар – это способность делать что-то конкретное – одновременно с обязательством, возлагаемым на тебя, делать именно это для Бога и людей. Дан тебе дар врачевания – ты обязан лечить, исцелять тела и души, помогать людям в болезни. Дан дар учительства – обязан не просто преподавать предмет, а вести своих учеников к Богу, быть прозрачным стеклом, сквозь которое их души осветит и освятит Божия истина. Дар пения – для славословия, чтоб через твой голос и слова души раскрывались к добру и свету. Дар – это не талант. Он не для того, чтобы деньги зарабатывать и семью содержать. И не для того, чтобы удовольствие от своей работы получать. А чтобы светить и освящать все, к чему ты прикасаешься.

Можно ли принять Крещение и, соответственно, Миропомазание несколько раз? Существует милое такое суеверие: если ты нагрешил так, что дальше ехать некуда – пойди и еще раз окрестись, ибо в Таинстве Крещения прощаются все предыдущие грехи. Это полная дичь! Православная Церковь верит «во единое крещение во оставление грехов», и любое крещение сверх первого неканонично и потому недействительно. Не могу удержаться, чтоб не привести довольно большую цитату из проповеди настоятеля протоиерея Сергия Филимонова:

«На нашу землю приходят многочисленные доброхоты-проповедники с Запада, приходят и говорят нам: вас неправильно крестили, не через полное погружение или еще в чем-то не так… Они приглашают наших людей на стадионы: „Идите к нам, мы вас окрестим, мы вас наставим на путь истинный“. К чему приведет это второе крещение?

Вот пример из нашей сегодняшней жизни. Два молодых человека отправились на стадион. Один позвал другого: „Давай примем второе крещение, говорят, мы с тобой неправильно крещены. Надо окреститься правильно“. И вот, когда стали созывать народ к сцене, чтобы принять крещение – на одного из них напал страх. Он стоял, как парализованный, не мог сдвинуться с места. А его друг пошел. И что же? Господь открыл тому, стоящему в зале, невидимую завесу. Он увидел, как некое страшное чудовище выползло из чана, в котором совершалось перекрещивание. И еще увидел, что на христианах, которые были раньше крещены, как бы светятся ясно видные знаки благодати Божией, печать дара Духа Святого в тех местах, где совершалось миропомазание. Вы помните эти места: это органы чувств, лоб, междурамие и так далее. И когда христианин со знаком печати Духа Святого подходил

к лжекупели, чудовище как бы слизывало эти знаки. Лишь только юноша в зале увидел все это, он очнулся и убежал без оглядки, обуреваемый страхом. И больше никогда у него не возникало желания перекрещиваться „по-правильному“.

Запомните, дорогие: кому Церковь – не мать, тому Бог – не Отец. Кто предает свою родную Церковь, тот теряет благодать Духа Святаго. Господь подал все для того, чтобы мы с вами могли спастись. Господь освятил воды Иорданские и подал нам Таинство святого Крещения, чтобы мы могли омыться от своих грехов, умереть со Христом и воскреснуть с Ним, чтобы могли душу свою сделать прозрачной как стекло и твердой как алмаз. Чтобы в душе, крещенной во имя Святой Троицы, отразился Ее святой облик и она оказалась способной войти в Царствие Небесное. Этот залог благодати, который дан нам во крещении, дорогие мои, нужно беречь и не поддаваться на соблазны, о которых говорил Сам Христос: „Ибо восстанут лжехристы и лжепророки… чтобы прельстить, если возможно, и избранных“ (Мф. 24, 24)».

Про Таинства Покаяния и Причастия мы поговорим чуть ниже. Что касается соборования, то с ним тоже связана масса предрассудков. Глубинным христианским чувством русский народ, невзирая на десятилетия безбожной жизни, по особым дням подтягивался и сейчас подтягивается в церковь: на Крещенье – за святой водой, на Вербное воскресенье – с веточками вербы, на Пасху – святить куличи и крашеные яйца. Кое-кто приходит на родительские субботы, Радоницу, Троицу, Казанскую и Николу-Чудотворца. Пожалуй, это все.

Но есть некое совсем особое действо, имеющее быть ежегодно Великим постом, – православный люд сомкнутыми рядами марширует на соборование. Храмы полны, над бутылками растительного масла и пачками риса хлопочут расторопные христианки, сдирая наклейки со штрих-кодом, снимая крышечки и распечатывая крупу. (Чтоб благодать не застряла! А вы как думали?) Потом все чинно рассаживаются по лавкам – и начинается.

– Зачем вы год за годом ходите на соборование?

– Для здоровья, конечно. Зачем еще?

У воцерковленных христиан отношение к соборованию тоже крайне трепетное. Оно считается Таинством, в котором прощаются забытые и неисповеданные грехи. А поскольку любому понятно, что всяк грешок не упомнишь, хоть с блокнотиком ходи – записывай, то стараются не упустить возможность основательно почистить перышки. Как будто в Причастии, когда мы соединяемся с Самим Христом, может выжить хоть что-то грязное! Поэтому отношение к Таинству Соборования как к тому, что «доделывает», «дочищает» недоделанное и недоочищенное – получается не чем иным, как тонким поруганием главного Таинства – Евхаристии, Причастия, соединения с Господом.

Бывает, что, наоборот, это таинство люди отвергают напрочь.

Больному, страдающему, измученному человеку никак не делается лучше. Предлагаешь родственникам:

– Пригласите священника, ее нужно соборовать.

– Да ты что?! Да моя мать еще сто лет проживет и тебя, бесстыжая, переживет, нечего ее заживо хоронить. Еще чего – соборовать!

Что же за таинство такое – соборование? Почему оно так любимо одними и что отталкивает других?

Соборование – таинство к жизни. Не к смерти. Церковь учит, что оно установлено на тот случай, когда больной человек настолько слаб, что не в силах прийти в храм – и тогда Церковь в лице своих священников приходит к страждущему. И служит ему, освящая его страдания, примиряя с ними и давая силы нести болезнь не как муку и горе, а во славу Христа. Быть может, это единственный способ перед смертью искупить какие-то грехи – и если

ты терпеливо и без ропота снесешь свои предсмертные боли, то очищенным войдешь прямо в Царство Небесное. А может быть, ты поймешь, что заслужил страдания еще большие, чем несешь сегодня, – и тогда Господь помилует тебя и исцелит, и ты встанешь с одра болезни здрав не только телом, но и душой. Эти силы нести болезнь благодушно, укрепление в вере мы получаем в Таинстве Соборования. Поэтому равно бессмысленно шарахаться от предложения собороваться, когда болен и тебе плохо по-настоящему, – и просто так, «ради здоровья» являться к этому Таинству. Болит рука? Болит нога? Болит душа? У всех что-нибудь да болит. Легкопереносимые обыденные недуги – не повод для соборования.

Иногда кажется: наверное, все это слегка понарошку, «как будто», некая условность, изображение в земных действиях небесных первообразов? Нет, Таинства реально преображают человека. Они действуют прямо и несомненно. Только мы этого не ощущаем. Слишком грубы наши чувства, слишком далеки мы от Бога. Наши приборы не настроены на тонкую работу. Как Том Кенти из «Принца и нищего» использовал Большую королевскую печать лишь для колки орехов, так и мы применяем свои чувства исключительно для поесть-попить-поразвлечься-погордиться. Не будем и удивляться, что не ведаем горнего. Мы бесчувственны к духовным реалиям не потому, что иного мира нет или он до нас не достигает. А потому, что сами – насквозь земные.

РАЗГОВОР С КРЕСТНИКОМ

Мой милый мальчик! Ты спрашиваешь: «Я теперь крещеный, что же изменилось в моей жизни?»

Станешь ли ты теперь удачливее, богаче, здоровее, благополучнее? Нет. Может быть – добрее, умнее, честнее, великодушнее? Тоже нет. Так что же дало тебе недавнее крещение?

Коли все наши с тобой ценности и желания лежат в материальном мире и в области душевных качеств, то должна тебе сказать правду – ты не получил ничего. Но если мы с тобой чувствуем, что в мире есть Бог, если хотим быть с Ним – ты получил столько, что Билл Гейтс по сравнению с тобой – убогий бродяжка.

Тебе кажется, что и ты, и все вокруг осталось прежним. Но это не так. Ты теперь другой. Чтобы понять, в чем другой, давай вспомним, что происходило во время Таинства Крещения.

Ты повернулся лицом к западу, дунул, плюнул и трижды сказал, что отрекаешься от сатаны. Почему к западу? Потому что восток – это восход солнца, это свет, туда ориентированы алтари храмов. А запад – наоборот, там тьма. То есть ты повернулся прямо к князю тьмы, стал с ним лицом к лицу.

Зачем дунул? А как еще ты можешь его отогнать? Он же без тела, он дух – его не оттолкнешь, не ударишь.

Зачем плюнул? Чтобы показать презрение.

Потом отрекся от него и всех его дел. Трижды. Зачем трижды? А чтобы не было сомнений, что отрекся случайно, не подумав, не расслышав, просто так сболтнув. Три раза – значит осознанно. Высказал, что не хочешь быть с ним, жить с ним, делать его дела.

А потом батюшка произнес над тобой древнюю заклинательную молитву. Он велел сатане выйти из тебя. Именем Божиим велел.

В результате дьявол вышел из твоего сердца, где жил прежде. Потому что ты сам, своей волей, свободно, собственным желанием сказал: «Не хочу быть с тобой и не буду», и тогда Бог отогнал его.

Теперь он снаружи рыщет, хочет вернуться обратно, но ходу ему в тебя нет. Ты для него – место заклятое. И пока сам не захочешь, он может только снаружи тебе гадости устраивать, но внутри ты больше не его собственность.

А чей ты? Божий. Ты им стал, когда лицом к востоку три раза – свободно и без принуждения – ответил, что сочетаешься со Христом. Сочетаешься, то есть становишься единым целым с Ним. Как лист – часть дерева, и он останется зеленым, живым, пока держится за ветку. Так и ты в этом обещании, обете, стал един, сочетался с Богом. Он тебя всегда будет любить, Он не отречется от тебя, важно, чтобы не отрекся от Него ты. Помни всю жизнь – ты обещал быть с Ним, Его собственным, любимым. Его сыном.

Тебя трижды полили водой из купели с молитвой: «Крещается раб Божий Сергий. Во имя Отца… и Сына… и Святого Духа». Эта вода смыла все твои грехи. В ней умер ты – прежний, грешный, и родился новый. Этого не видно, потому что произошло в духовном мире. Внешне ты, большой мальчик, стоишь возле купели; а внутренне, духовно – младенчик, ручками-ножками дрыгаешь и радуешься.

Мы с зажженными свечами ходили вокруг купели. По кругу. Три раза. Круг не имеет начала и конца, это – вечность. Такая вечная жизнь началась у тебя после крещения. А со

свечой ты шел, чтобы до смерти (и после смерти) светить людям, как его святые, – чтобы все твое бытие и житие показывало: «Это христианин». И еще, чтобы ты любил Бога. И еще – Ему тебя так, со свечой, лучше видно: «Это мой мальчик. Он Меня любит. Позовет – сразу откликнусь».

Тебе батюшка надел крест на грудь. Почему нельзя снимать крест?

Потому что он – знак для Бога и Его святых и ангелов: «Это свой, ему нужно помогать». А для дьявола и его бесов: «Он Богов, с ним поосторожнее». Для нас духовный мир невидим. А они оттуда нас хорошо видят. И не только тела, но и мысли, и чувства, и состояние. Ты снял крест по небрежности – или забыл надеть после душа (хотя в душе его снимать не нужно), или веревочка порвалась – это для них знак: «Ага, он снебрежничал, значит, забыл о Боге, хватай его!» Или постыдился где-то быть с крестом, специально снял и сунул в карман – значит, отказался от Бога, повернулся к Нему спиной.

Вода крещения смыла с твоей души все старое, плохое – но этого мало. Душа ведь не может быть пустой – она живая, она чувствует. Поэтому раз оттуда выгнали дьявола и вычистили весь мусор – грехи, то нужно положить что-то взамен. Что-то очень хорошее, ради чего и стоило креститься. И это тебе положили – когда тебя батюшка помазал святым миром – и лоб, веки, ноздри, губы, и уши, и грудь, и руки, и ноги. Он при этом говорил: «Печать дара Духа Святаго». Это значит, что Дух Божий в тебя всего прошел, во весь твой состав и Сам действовал в тебе. То есть ты теперь можешь слышать голос Бога, говорить Его слова, видеть Его дела во всем вокруг, помнить Его постоянно, в сердце иметь Его чувства, руками делать Его дела, ногами ходить по Его дорогам, не уклоняясь на кривые дорожки. Это и есть печать. Ты весь запечатанный – целиком Божий. Его собственный, Его любимый, Его единственный.

Таким любимым и единственным для Бога делается каждый человек, который крестился.

И самое последнее, что было в крещении, – у тебя отрезали прядочку волос и прилепили ее к куску воска. Почему воска? Во-первых, к нему все хорошо прилипает. Во-вторых, это обычная, традиционная, общепринятая жертва Богу – из него делают свечи, которые зажигают в подарок Господу. Принесена первая твоя жертва Богу. Ты не пожалел волос со своей головы, не побоялся отдать их Ему – и тем самым пообещал, что не побоишься отдать и голову, если понадобится, отдать жизнь, а не только прядь волос. И обязался отныне и навсегда служить Богу и людям. Даже в мелочах, в самых малых: когда сам устал – помочь другому уставшему, когда сам голоден – поделиться едой с другим голодным, когда раздражен – потерпеть, но не обидеть товарища.

И все это произошло не «как будто», не «понарошку», а по-настоящему. И сатана изгнан, и грехи смыты, и новые силы и дары даны, и жертва принесена. Потому Крещение и называется Таинством – что в нем таинственно, тайно, неизвестным для людей образом происходит чудо: был мальчик один, родился и живет теперь другой.

В помощь тебе, для защиты твоей придан Ангел-хранитель. Бесплотный, сияющий дух, огненным мечом он отгоняет от тебя бесов. И это тоже не понарошку, а по-настоящему. Они липнут, стараются приникнуть к тебе поплотнее, проникнуть внутрь тебя, нашептывают дурное, толкают на дорогу под мчащуюся машину, – но Ангел сильнее. Будешь молиться ему, – он будет с тобой. Забудешь о нем, он все равно тебя не оставит. Вот только ты тогда останешься как приемник, на соответствующую волну не настроенный, – Ангел-хранитель станет предостерегать от чего-то, а ты и не услышишь.

Ангел-хранитель настолько важен в жизни христианина, что перед причастием взрослые обязательно читают ему целый канон (помимо канонов Христу и Богоматери). Значит, он стоит в жизни на третьем месте после них!

Появился у тебя после крещения и святой покровитель на небе. Откроем церковный календарь и найдем ближайшего святого с твоим именем Сергий, день памяти которого следует за днем твоего рождения или крещения (можно и так и так, это безразлично). 11 июля – память преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев. Вот кто твой покровитель – преподобный Сергий Валаамский. Я принесу тебе его житие, и ты узнаешь о его жизни и подвигах, о том, как он любил Бога и что делал для Него. Выучишь молитву ему и тропарь. Может быть, побываешь в Валаамском монастыре, основанном им.

К нему ты всегда можешь обращаться за помощью. И если будешь разговаривать с ним в молитве, просить о себе, о своих нуждах, благодарить за хорошее, то между вами установятся особые отношения любви и доверия. Ты будешь всегда чувствовать его поддержку. Святой Сергий на небе постоянно просит о тебе Бога. И каждый год 11 июля – день памяти святого Сергия – еще и твой праздник. Потому что это праздник дорогого, близкого тебе человека.

А в день рождения что празднуют твоя семья и гости? Что ты родился. Это, безусловно, радость: тебя не было на свете, и вот ты есть! Здорово! Это действительно праздник для любящих тебя. Что делают приглашенные? Дарят подарки, желают всего-всего, поздравляют тебя и папу-маму, плотно и вкусно едят, пляшут. Расходятся.

Что делают в именины? Прежде всего, обязательно идут в храм, там в этот день прославляют твоего святого. Вот настал Татьянин день, 25 января, и каждый храм полон Татьян всех возрастов, от совсем крошек до старушек. Все нарядные, радостные. Все причащаются. Вот 3 июня, Константин и Елена. В храмах, куда ни глянь, либо Костя либо Леночка. И пусть этот Костик у папы на руках еще мало что понимает, но святой равноапостольный Константин видит его и радуется на него: ведь и ради него, этого крошки, я еще в 4 веке сделал христианство государственной религией, ради него я впервые в истории начертал крест на своем боевом знамени. И радуется на маленькую Леночку царица Елена, нашедшая в Иерусалиме Крест, на котором был распят Христос.

А потом, дома, перед тем как сесть за стол, собравшиеся обязательно споют тропарь святому, потому что это его день, его праздник. И ты, именинник, будешь принимать гостей, собравшихся не ради тебя самого, а ради твоего святого. Конечно, будут и подарки, и песни-хороводы, но центр праздника – не мальчик Сережа, а преподобный Сергий, Валаамский чудотворец.

Как ты думаешь, дьяволу понравилось то, что ты на него плевал и отрекался, то, что ты теперь стал Божиим? Нет. Будь уверен – этого плевка он тебе никогда не простит. Значит, он будет стараться тебе напакостить. Он очень сильный и очень хитрый, многое может. Да и сам ты уже привык жить так, а не иначе, так что вся твоя натура будет пока что лить воду на его мельницу. Захочешь делать добро, поступать хорошо – но получаться будет по-старому, по-дурному. И у тебя, в тебе начнется бой. Ты – воин.

Ты, новый, – и с тобой Ангел-хранитель, и твой святой, и Богородица, и Сам Господь будете сражаться с дьяволом и с твоими привычками. Это сражение ведут все христиане, оно для всех очень трудное и конца ему нет, пока жив человек. Устоять в безгрешности ты, как и любой другой человек, не сможешь. Часто будешь падать и делать дурное, изменять любящему Богу и причинять Ему боль. Но у тебя теперь есть еще и два других Таинства, они тебе помогут – Покаяния и Причастия.

Сделал что-то дурное, от чего стыдно? Исповедуй это. Так бывает со всеми людьми, мы все грешим. Даже формула есть: «Обеты Крещения не соблюл». В исповеди скажешь: «Господи, я плохо поступил, я теперь больше не Твой сын. Но хочу быть Твоим. Прости меня, очисти». Господь простит и Сам смоет всю эту новую грязь, приставшую к тебе. И ты тайным образом, невидимо снова, станешь чистым, как сразу после крещальной купели. Опять будешь с Ним вместе.

Ты причастился сразу после крещения, на другой день. В чаше – Его тело и Его кровь. И они в тебя вошли, стали твоими. Бог оказался в тебе, а значит, ты в Нем. (Он же больше тебя, значит, это Он тебя вмещает, а не наоборот!) Причастие реально соединяет тебя с Ним, тоже не понарошку, не символично, не «как будто».

Святые говорили, что Крещение – это колесница на небо. Представляешь, ты сейчас взлетел туда, где живут Бог и Его святые. И можешь, живя на земле, одновременно всегда пребывать там, на небе. Только никогда не забывай: ты крещеный, ты христианин, ты собственный Божий, не чей-нибудь еще. Весь Божий. Он тебя всегда слышит. Если что-то плохое случилось, если трудно, если не знаешь, как поступить – проси: «Помоги, спаси», и Он спасет и поможет. Не в ерунде какой-нибудь, конечно, а в важных вещах. И жизнь твоя может стать жизнью, какой Он захочет для тебя – если этого будешь хотеть ты.

Крещение – это шанс. Возможность выбрать добро вместо зла. Дьявол никуда не ушел, он тут, рядом, продолжает разлагать душу, хотя теперь и снаружи, а не изнутри. Что ты выберешь, с кем останешься – решаешь только ты.

КТО ТАКИЕ КРЕСТНЫЕ

Кого мы приглашаем в крестные нашим детям? Добрых друзей, богатых покровителей или – чтобы не заморачиваться – родственников, которые оказались под рукой. Бывает, в церкви перед крещением младенца звучат преинтересные диалоги с потенциальными крестными:

– На Крещение какую молитву могут спросить?
– «Отче наш», вы знаете?
– Знаю, конечно, только не помню, чем там кончается.

– Что такое Символ веры?
– Как что? Крест!

– Вы крестный?
– Я.
– А почему сами без креста?
– Так я мусульманин.

Спросим знакомых:

– Зачем нужны крестные? Большинство ответит:

– Помогать родителям растить ребенка, заменить родителей в случае их смерти, дарить ему дополнительную любовь.

Редко кто додумается:

– Молиться за ребенка.

С другой стороны, и потенциальные крестные относятся к предложению стать восприемниками с легкостью в мыслях необыкновенной. С удовольствием! Меня не убудет!

Спешу огорчить. Все очень и очень серьезно.

Восприемник отрекается вместо крестника (если крестит младенца) или вместе с ним (если кого-то старше) от дьявола, сочетается вместо него (вместе с ним) со Христом, публично исповедует собственную веру (и будущую веру своего крестного чада) в Троицу, Христа и Церковь. И проделывает все это, заметим, перед лицом Самого Господа Бога. Значит, полностью отвечает за то, чтобы его крестник стал настоящим христианином. Именно он отвечает, а не родители, которые стоят тут же.

Обязанности его – не материальные, не душевные, а духовные. Передать свою веру в Бога и научить человека жить по вере.

Поэтому к выбору крестных для своих детей нужно подходить предельно внимательно. Есть ли у него твердая православная вера? (Не вообще какая-то расплывчатая, а православная – вы же крестите дитя в Православии!) Живет ли сам по вере? Готов ли он вкладывать время и силы в моего ребенка?

А потенциальным крестным имеет смысл основательно взвесить свои возможности. Зачем меня зовут крестить ребенка? Захотят ли родители отдавать его мне для посещения богослужений? Разрешат ли воспитывать его православным христианином?

Связь восприемника с крестником не разрывается никогда. На Страшном суде с нас спросят не только за родных детей, но и за тех, которых над крещальной купелью мы обещали родить в Боге и воспитать для Бога.

ПОКАЯНИЯ ОТВЕРЗИ МНЕ ДВЕРИ

Меня всегда поражало, что молитвы о безнадежной своей греховности, буквально вопли при виде грязи своей души – написаны святыми. «Паче всех человек окаянен есмь», – рыдает подвижник благочестия. Притворяются они, что ли? И поскольку ясно, что нет, не притворяются – то как это понимать? Значит, чем дальше в лес, тем больше дров? Чем сильнее очищение, тем глубже покаяние? Часто приводимый образ: темная грязная комната, где распахнули окно и яркий свет озарил незаметные прежде ее убожество и немытость; и чем больше чистишь и драишь свою душу, тем больше видны грязные углы, ибо света проникает и отражается все больше.

Церковь считает, что Таинство Покаяния действенно, если человек, во-первых, искренне жалеет о своем поступке, а во-вторых, твердо решился больше его не повторять. Формула для запоминания: покаяться – значит раскаяться плюс закаяться.

А если я не хочу перестать грешить этим грехом?

Если мне мил мой мягкий диван и чашка горячего чая, телефонная трубка у уха и часы спокойного времяпрепровождения? Да, это лень и самоугодие. Да, я сожалею, что мне это нравится. Но не готова сейчас отказаться от этого.

Как быть?

Если ясно вижу грех и жалею о нем, но твердо знаю: повторю, и не раз, и хочу повторять?

Каяться именно в этом – что мне мил этот грех и не хочу отойти от него.

Что за нелепость? Зачем?

Затем, что даже при малой твоей решительности и отсутствии воли справиться с грехом Господь примется исцелять тебя, потихоньку-полегоньку. Глядишь, и вот уже обстоятельства сложились как-то так, что доступ к телефону резко ограничен или вообще невозможен. Работы невпроворот, и гонять чаи часами стало некогда. Да и любимый диван пришлось убрать с кухни, чтобы сделать там перестановку. А удобнейший электрочайник сломался, и ты с отвращением кипятишь воду в кастрюлечке.

И вот уже смиренно сидишь целыми днями за компьютером, на твердом стуле, да и чай из кастрюли как-то меньше стал привлекать.

Год за годом тащишь к аналою одно и то же.

– Тебе не стыдно повторять духовному отцу все время одни и те же грехи? Он же должен отказаться, наконец, принять твою исповедь, раз ты не исправляешься, – подруга была в недоумении.

Этот стыд человека перед человеком минуется довольно быстро. Годик-другой – и как рукой снимает. Потому что за это время всем своим существом начинаешь чувствовать: неисцелима душа, что ты ни делай, хоть тресни! И остается лишь криком кричать: «Мне нужен Спаситель! Мне не справиться без Тебя!» Какое горе – вопреки своей воле и желанию, раз за разом, все снова мордой в грязь. В собственную. Спаси меня – от меня самой.

– И что, так и будешь повторять одно и то же?

– Я же надеюсь на исцеление. Что когда-нибудь избавлюсь хотя бы от самых безобразных проявлений своей страсти.

Христос пришел призвать не праведников, а грешников на покаяние – но это доходит до рассудка далеко не сразу. И Он велел нам прощать брата согрешающего до седмижды семидесяти раз. Значит, и Сам так прощает. И долее.

Сердце – как сухой каменный обломок с острыми краями. Отковырнул кусок спекшейся грязи. О, теперь можно поддеть еще один, по соседству. Сверху – слезы. Много слез. Вот и участок рядом размок, удается его отскрести. Но какая вонь стоит при этом! Н-да, земелька-то спеклась в камень, прямо скажем, густо унавоженная. Нос заткнуть не удается, и, вдыхая испарения, ворочаешь отвратное месиво. Стоп. Снова твердый участок. Похоже, гранит. Его и не размочишь. Будем окапывать вокруг. И конца-краю этой черной работе не предвидится.

– Священник ужаснется, отшатнется, запрезирает.

– Ты только представь себе, сколько грязи во время исповеди уже выслушал любой священник, даже самый молодой. Думаешь, ты его чем-нибудь поразишь? Вряд ли.

Набор телесных и душевных свойств, которыми все мы располагаем – одинаков. Разница лишь в пропорциях. Кто-то преимущественно гневлив – и тащит на исповедь свои вопли на ближних, а коли погорячее парень, то и раскаянье в убийстве к кресту подволочет. Другой гневом обделен, зато плотская страсть играет. Он выдаст священнику весь спектр (или часть его) блудных грехов. А в общем-то, дамы и господа, все наши страсти и грехи одинаковы и невыносимо, отчаянно, неприлично скучны.

И потом, какой у тебя выбор? Либо не ходить исповедаться вообще и потому все глубже тонуть в собственных нечистотах; либо выложить все как есть и перетерпеть стыд (а творить непотребство было не стыдно?); либо утаить именно и только это, самое неприятное и горькое, – но на подобный случай в молитве перед исповедью есть особое предупреждение: «Аще что скрыеши от Мене, сугуб грех имаши». Сугубый – усугубленный – увеличенный.

Ты преклонишь голову под епитрахиль, над которой тебе звучит: «Аз, иерей, властью Его, мне данною, прощаю и разрешаю…» – а рядом стоит Сам Христос: «А Я – не прощаю и не разрешаю». Ну и чего ты добился? Если шел исповедаться, чтобы чисто формально сдать Ему свои грехи – то сдал не все, а попыткой обмануть лишь усугубил свое положение, и без того незавидное. Если надеялся, что Он соделает душу чистой и ты снова станешь Его любимым безгрешным чадом – и подавно ты не достиг цели.

«Я живу не хуже других. Не убиваю, не краду, супругу не изменяю. Дети выросли честными людьми. Работаю всю жизнь». Как часто люди говорят такое! Чтобы выйти из этого состояния благодушия и самолюбования, достаточно заглянуть в любую книжку о Таинстве Покаяния (священника Михаила Шполянского, например, или «Исповедаю грех, батюшка», или в «Опыт построения исповеди» о. Иоанна Крестьянкина). Написанные доступно и внятно, они полностью изменят отношение к себе, «безгрешному».

Очень бодрит такой образ (не помню, у кого я его прочитала, но впечатляет, по-моему, сильно): чтобы утопить человека, не обязательно привязывать ему на шею большой камень – точно так же не позволит всплыть и мешок с песком; а ведь как мала каждая песчинка, почти невесома!

– Ну что, сдал грешки?

– Сдал. Пошли.

У меня тут мелочевка всякая. Получи, батюшка. И ты, Господи, получи. Рассчитались? Я свободен? У Тебя ко мне больше нет претензий? Вот и ладненько.

Иногда стоишь к исповеди именно в этом состоянии.

Как в скафандре.

К счастью, почти всегда перед аналоем – проходит. По молитве.

Бывает и другая крайность.

Не нарушить закон невозможно. Попробуй ни на кого не взглянуть с вожделением. Ни разу не нарушить пост. А уж заповедь любви к ближним – и вовсе неудобоисполнима! Слабо любить всех – вообще всех и каждого, встречного-поперечного? Деятельно любить, активно? Слабо!

Тут легко и в отчаяние впасть. Все, нет мне спасения.

Ну конечно, нет. Кто бы возражал. Своими силами – нет. Именно об этом и говорил Христос, отвечая на вопрос учеников: «Так кто же может спастись?» – «Человекам это невозможно, Богу же все возможно» (Мф. 19, 26).

Стыдно? Да. Этот стыд приходится пережить. Он-то и исцеляет. Очень опасно впасть в иную крайность – решить, что ты не хуже иных и твои грешки вполне вписываются в рамки дозволенного. В том-то и дело, дорогие мои, что не вписываются, выпирают «из ряда – вон, чтоб не сказать похлеще!». Все мы не вписываемся в просвет ворот, ведущих в Царство Небесное. Все – немощнейшие сосуды.

Так что не станем ни безнадежно убиваться о своих грехах, ни оправдывать их.

А как же тогда?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.